

KAPITAŁ LUDZKI
NARODOWA STRATEGIA SPÓJNOŚCI

UNIA EUROPEJSKA
EUROPEJSKI
FUNDUSZ SPOŁECZNY

ZAGADNIENIA INNOWACYJNOŚCI FUNKCJONOWANIA SYSTEMU BADANIA + ROZWÓJ W NAUCE

Redaktor naukowy
ANTONI MIKLEWSKI

Tom II

Projekt: „INNOWACYJNE ZARZĄDZANIE SYSTEMEM B+R W JEDNOSTKACH NAUKOWYCH”
jest współfinansowany ze środków Unii Europejskiej w ramach Europejskiego Funduszu Społecznego
4.2. "Rozwój kwalifikacji kadr systemu B+R i wzrost świadomości roli nauki w rozwoju gospodarczym"

Wyższa Szkoła Informatyki Stosowanej i Zarządzania, 01-447 Warszawa, ul. Newelska 6, tel.: 22 3486523

KAPITAŁ LUDZKI
NARODOWA STRATEGIA SPÓJNOŚCI

UNIA EUROPEJSKA
EUROPEJSKI
FUNDUSZ SPOŁECZNY

ZAGADNIENIA INNOWACYJNOŚCI

FUNKCJONOWANIA SYSTEMU BADANIA + ROZWÓJ W NAUCE

Redaktor naukowy
ANTONI MIKLEWSKI

Tom II

Projekt: „INNOWACYJNE ZARZĄDZANIE SYSTEMEM B+R W JEDNOSTKACH NAUKOWYCH”
jest współfinansowany ze środków Unii Europejskiej w ramach Europejskiego Funduszu Społecznego
4.2. "Rozwój kwalifikacji kadr systemu B+R i wzrost świadomości roli nauki w rozwoju gospodarczym"

Wyższa Szkoła Informatyki Stosowanej i Zarządzania, 01-447 Warszawa, ul. Newelska 6, tel.: 22 3486523

Książka współfinansowana ze środków Unii Europejskiej w ramach Europejskiego Funduszu Społecznego.

Projekt Programu Operacyjnego Kapitał Ludzki.

„Innowacyjne zarządzanie systemem B+R w jednostkach naukowych”

Priorytet IV Szkolnictwo Wyższe i Nauka.

Działanie 4.2. Rozwój kwalifikacji kadr systemu B+R i wzrost świadomości roli nauki w rozwoju gospodarczym.

Podnoszenie umiejętności pracowników systemu B+R w zakresie zarządzania badaniami naukowymi i pracami rozwojowymi oraz komercjalizacji rezultatów prac badawczych – w tym również w zakresie ochrony własności intelektualnej i przemysłowej.

Projekt POKL.04.02.00-00-059/08

Recenzenci:

Prof. zw. dr hab. inż. Jan Studziński

Prof. dr hab. inż. Andrzej Leszek Straszak

Projekt okładki: Aneta Pielak

Komputerowa edycja tekstu: Anna Gostyńska

46968

© Instytut Badań Systemowych PAN, Warszawa 2011

Egzemplarz bezpłatny

ISBN 83-894-7547-2

EAN 9788389475473

Актуальные проблемы культурно-общественной семиосферы и семиотико-лингвистические исследования

Stanisław Siatkowski

Wyższa Szkoła Zarządzania Marketingowego i Języków Obcych w Katowicach

Одной из характерных черт современной науки является все более интенсивное и всестороннее развитие семиотических (семиологических) исследований. Это продиктовано многими обстоятельствами. Семиотика (семиология) как наука о знаках, являющихся необходимым условием существования, функционирования, переработки и использования информации, становится всё более всеобъемлющей интеграционной исследовательской областью. Она, таким образом, лежит в основе тоже в свою очередь интеграционных наук об информации в собственном смысле – прежде всего кибернетики и её многочисленных подразделений и приложений (теории информации, информатики, биокибернетики, лингвокибернетики, кибернетики социальной, экономической, дидактической, медицинской и т.д.), лингвистики, изучающей наряду с кибернетикой речезыковую информацию, а также всех других наук, различных областей культуры *sensu stricto* (материальной и духовной)¹, цивилизации и повседневной практической жизни и их разнообразных проявлений (как желаемых, конструктивных, так и нежелаемых, деструктивных, не соответствующих общепринятым нормам культуры). Поэтому неудивительно, что семиотика на протяжении многих десятилетий, находясь *in statu nascendi*, постепенно расширяет свой исследовательский объект на различного типа до сих пор не познанные, постоянно возникающие знаковые образования и связанные с ними новые, нередко все более сложные, даже иногда неожиданные и загадочные явления и проблемы.

Поскольку без знаков развитие сосуществующих с ними практически всех областей жизни, и связанной с ней широко понимаемой культуры было бы невозможным, весьма существенное значение семиотики в значительной степени продиктовано быстро

¹ Среди богатой научной литературы по проблемам семиотики культуры см., напр., [4, 5, 6, 7, 17, 33, 37] в списке учитываемой литературы.

растущими материальными, духовными, познавательными, практическими, эстетическими, нравственными, трансцендентальными и другими потребностями человека, которые приводят, в частности, к все более лавинообразному росту количества информации, имеющей, как вытекает из вышесказанного, ту или иную знаковую природу.

В связи с этим заметно расширяются и приобретают все большее значение существующие и новые сферы знакообразования, а также возможности использования старых и новых знаков в самых различных областях активности человека с учётом все более разнообразных и при этом меняющихся целей, в той или иной степени соотносимых с соответствующими точками не только на материальной, но и духовной, в частности, на всё более лабильной, неустойчивой аксиологической шкале добра и зла. Например, в средствах массовой коммуникации (масс-медиа), на различных конференциях, в научных и других публикациях рассматриваются с семиотической точки зрения наряду с многими обычными проявлениями современной общественной жизни и такие тревожные явления, как терроризм, который можно трактовать как особое, специфическое знаковое образование. Организаторы террористических актов создают определенный символ своих устремлений и напоминают о них, нередко самыми насильственными и беспощадными методами, не считаясь с многочисленными человеческими жертвами, духовными и материальными потерями. Часто устраиваемые в наше время забастовки и другие общественные протесты содержат тоже семиотический компонент. Протест социального типа, как правило, устраивается не для самого протеста, он является знаковым образованием, наглядным материальным показателем информации, например, о несправедливой, патологической или еще более драматической ситуации, требующей немедленного разрешения.

Один из самых известных современных итальянских семиотиков (семиологов), культурологов, писателей и философов Умберто Эко подробно рассматривает среди семиотических единиц самые разные, встречаемые в повседневной жизни, явления и структуры – предметы торговли (товары), орудия труда, мебель, привлекательную музыку, аплодисменты, одежду, украшения и т.п. В польской лингвистической и семиотической литературе этого типа явления, начиная примерно с половины XX в., считались знаками асемантическими – симптомами и асемантическими сигналами (*arele*), которые Т. Милевский в своей классификации знаков противопоставлял семантическим сигналам². Подобно Милевскому, У. Эко в книге, озаглавленной „Семиология

---

² [28, с. 3-14]. Эта статья включалась, с некоторыми, как правило, формально-редакционными изменениями в другие более широкие издания работ того же автора, напр., [29, с. 19-26; 30, с. 9-26].

повседневной жизни” считает, что этого типа семиотические (по его терминологии семиологические) образования производят определённые изменения – поведенческие, эстетические, этические, эмоциональные и т.п. – во внутреннем мире человека, в его психике и в более глубоком духовном пространстве, участвуя таким образом в известном смысле в информационно-коммуникативных процессах [16].

Следует заметить, что речезыковые знаки и другие семантические сигналы тоже могут производить, кроме выполнения сугубо семантических функций, такие изменения. Более того, можно считать, что в соответствующих областях культуры и повседневной жизни разные типы сигналов образуют более сложные гетерогенные семиотические структуры, которые могут характеризоваться внутренним изоморфизмом и комплементарностью (взаимной дополнителностью) информации. Как считает Эко [16, с. 255-256], одежда, предопределяя внешнее поведение человека, представляет собой семиологический приём, т.е. механизм, делающий возможной коммуникацию. Она похожа на синтаксические структуры языка, которые, согласно утверждениям многих исследователей, влияют на способ образования мысли. Аналогичным образом синтаксические структуры языка одежды влияют на способ видения мира, и это происходит физически более ощутимо, чем *consecutio temporum* или употребление условного наклонения [16].

Взаимодействие знаков и знаковых систем проявляется в разных сферах жизни человека. Вообще вся жизнь (индивидуальная и общественная) проникнута в той или иной степени семиотическим компонентом, который должен рассматриваться и учитываться в познавательном, практическом, аксиологическом, дидактическом, воспитательном, собственно культурном и возможно других планах. Следует при этом иметь в виду тот факт, что различные виды знаков и разные системы и подсистемы семиосферы (о чем будет идти речь ниже) в пределах широко понимаемой культуры обычно находятся в отношениях взаимного дополнения и взаимодействия.

Все более дающий знать о себе моральный релятивизм, общественно экономические преобразования, политические и другие внеязыковые детерминанты по принципу обратной связи соответствующим образом отражаются на функционировании этнических языков, которые в настоящее время подвержены большому испытанию. Это наиболее заметно даёт знать о себе в странах Средневосточной Европы. В силу действия этого типа экстралингвальных детерминантов в сочетании с внутриязыковыми факторами в языке и речи происходят процессы внутривидовой трансформации, межъязыкового контактирования, особенно иноязычного влияния и заимствования, либерализации речи, наблю-

даемые особенно в последнее время, и т.д., которые находят всё более обстоятельное освещение в современной научной литературе. Этого типа многомерная трансформация в большей или меньшей степени характерна также для ряда других европейских и неевропейских языков.

Вследствие всего этого исследовательский объект семиотики, ее задачи, функции и вообще научно-общественная роль постоянно расширяются, растут. Перед знаками как общественными проявлениями, отражающими развитие разных явлений жизни, особенно в области культуры (в отличие от зоосемиотических сфер) открылись огромные возможности функционирования и выполнения всё более существенных и разнообразных информационных задач. Поэтому всю широко понимаемую культуру (вместе с цивилизацией) нельзя более глубоко и адекватно исследовать и познать без надлежащего учёта семиотических явлений. Работы современных семиотиков убедительно показали, что любая область культуры в значительной степени наделена семиотической природой и характеризуется семиотической подосновой. Это подтверждается эффективностью применения т. наз. семиотического ключа в современной культурологии, в частности, в недостаточно исследованных областях массовой культуры, особенно массовой информации, а также постиндустриальной и постмодернистской цивилизации и контркультуры, все более погружающихся в состояние хаоса, где правда часто перемешана с фикцией и манипуляцией, о чем более подробно речь будет идти ниже. Именно благодаря семиотическому ключу Умберто Эко в вышеназванной и других работах удалось найти определённые механизмы и закономерности тоже в этих последних, казалось бы совершенно разрозненных и хаотичных сферах жизни, охватывающих средства массовой информации, особенно масс-медиа, диснейлэнд, безвкусные дворцы калифорнийских миллионеров, спорт, африканско-бразильские культы, моду, терроризм, религиозные секты и многое другое [42, с. 7], установить общий научно-методологический знаменатель.

У. Эко, отдавая себе отчет в опасностях, связанных с функционированием этих областей культуры и контркультуры, в семиологии и в семиологическом видении жизни усматривает своеобразное спасительное средство на эти опасности, по крайней мере на некоторые из них. По ходу своих рассуждений, например, о неотелевидении, создающем сверхреальную действительность, т.е. действительность более правдивую, чем она есть на самом деле, Эко в одной из своих работ шуточно, с примесью присущей ему горькой иронии замечает, что настоящее он знает исключительно по телевизионному экрану, но средневековье – непосредственно. Это читаем в его работе *Приписки на полях Имени розы* [42, с. 6]. А в *Семиологии повседневной жизни* он пишет: „Среднеинтел-

лигентный телезритель прекрасно знает, что когда актриса целует актера в кухне, на яхте или в степи, даже тогда, когда это настоящая степь (часто, однако, это бывают окрестности Рима или югославское побережье), это степь *п о д о б р а н н а я*, соответствующая, избранная, значит, в определенном смысле *ф а л ь ш и в а я*, подделанная для потребности фильма”.

Это подсказывает – продолжает автор – здравый смысл. Но здравый смысл, часто также внимание критики – оказываются совсем неподготовленными, чтобы оправдывать то, что изображается в качестве непосредственной телевизионной трансмиссии. В таком случае известно (даже если нет полного доверия и мы подозреваем, что непосредственная передача является в действительности скрытой реляцией, передаваемой из телестудии), что кинокамеры едут непосредственно на место, где происходит какое-то действие, что-то, что происходило бы и так, даже если не было бы там телекамер.

Уже в самом начале существования телевидения было замечено, что также непосредственная трансмиссия предполагает какой-то выбор, определенную манипуляцию” [16, с. 188]³. Это У. Эко убедительно показывает на примерах телепередач футбольного матча и других ситуаций. Далее в этой книге автор, имея уже в виду эпоху неотелевидения (с использованием магнитовидения) с иронической эмоцией выражает свою реакцию: „Как это замечательно, перед телеэкраном можно теперь провести сорок восемь часов в сутки и таким именно образом не будет уже потребности сталкиваться с той отдаленной фикцией, какой является внешний мир” [16, с.197]. Невольно вспоминаются известные предсказания Дж. Орвелла и сегодняшние все более назойливые пропагандистские, обычно рекламно-политические псевдопаблик рилейшнз (псевдо-PR).

О жизнеутверждающей силе семиотического видения и восприятия жизни пишет У. Эко вполне серьезно, заявляя, например, что подземные боги манят нас возможностью убежать в мрачный подземный мир – это могут быть религиозные секты, политический терроризм, магия, астрология, *но когда мы увидим в них исключительно требующий интерпретации знак*, они теряют над нами магическую силу.

Это может показаться мало вероятным, но У. Эко несомненно прав. К этому выводу приходят другие авторы. Например, известный русский лингвист П.Н. Денисов в своем докладе, прочитанном на международной научной конференции в Москве, посвященной семантической и семиотической проблематике, отметил, что осмыс-

³ Все цитаты, заимствованные из названных нерусскоязычных источников, переведены на русский язык автором настоящей статьи.

ление с семиотической точки зрения механизмов и закономерностей политического дискурса всех знаковых злоупотреблений, ловушек и других манипуляций может защитить от них, предохранить хотя бы в какой-то степени от их влияния и вовлечения адресата в сферу, например, иллюзии. В этом нетрудно убедиться, находясь также перед современным телевизионным экраном. С другой стороны, в семиотике мы имеем дело со знаками особого назначения, функционирующими в материальной и особенно духовной культуре, в том числе с символами (правда, свобода, добро, зло и т.д.). Перед семиотикой в связи с этим возникают многие новые задачи как познавательно-описательного (аналитического) характера, так и связанные с широким спектром прикладных и прагматических целей, задач и проблем, например, формирование семиотической культуры общества, использование знаков и семиотических знаний в воспитательных и многих других, в том числе практических целях, чтобы общество (в частности, молодежь) обладало умением расшифровывать разные семиотические ловушки и другие опасности, а также эффективно вести с ними предупреждающую, профилактическую борьбу. Возникает, таким образом, весьма важная общая задача – обеспечить в данной социальной сфере, стране и в более широких масштабах (здесь применение принципа глобализации как раз может сыграть весьма положительную роль) *индивидуальную и социальную семиотическую безопасность*.

Умберто Эко, вспоминая свое детство, проходившее в Италии в годы фашизма, ссылаясь на слова известного кинорежиссёра Феллини, подчеркивал, что система образования, введённая фашистами, имела своей целью превратить людей в сплошных идиотов. Это не случилось только чудом – фашисты проиграли войну.

Ещё не в очень отдалённом прошлом с большим, особенно угрожающим в глобальном масштабе злом, обычно необходимо было бороться с оружием в руках, как показала Вторая мировая война. Также общественно-политические революции, перевороты и другие значительные этого типа события происходили, как правило, в результате вооружённых действий. Такую необходимость склонны были понимать и нередко как-то оправдывать самые гуманные по своим взглядам люди. Как известно, таким человеком был Антуан де Сент-Эгзюпери, замечательный французский писатель и страстный лётчик, преданный своему делу. Тонкий его гуманизм характеризовался глубоким уважением и доброжелательным отношением к человеку, особенно к детям, и всему живому существу, красотой чистых человеческих чувств и взглядов, стремлением спасти человека, катастрофически терявшего свое духовное богатство в окружающем мире. Но после нападения Франции немецкими фашистами он, несмотря на состояние своего здоровья (терпел ранения, в том числе

очень тяжелые, во время нескольких авиааварий), сказал, что считает невозможным оставаться в тылах фронта (как ему советовали, включая его – капитана авиации, наверно, чтобы сохранить ему жизнь, в состав технических авиационных служб), но будет бороться, затем добавил: „Je combattrai quiconque prétendra asservir la liberté de l'homme” [41, с. 65]. („Буду бороться с каждым, кто задумает покушаться на порабощение свободы человека”). Стоит также отметить, что перед окончанием войны и непосредственно перед своей смертью, которую предчувствовал, будучи летчиком-разведчиком, он высказал свое знаменательное замечание: „Но если я возвращаюсь живым ... встает передо мной только одна проблема: что можно, что нужно сказать людям?” [41, с. 73]. Из этого драматического положения освободила его до сих пор до конца не выясненная смерть. (Он не вернулся из последнего полета).

На рассматриваемой аксиологической шкале борьба добра и зла в политической подсистеме семиосферы приобретает различные формы, к счастью, не только наиболее жестоко выраженных действий.

Большим завоеванием гуманизма следует считать значительные общественно-политические трансформации в конце XX и начале XXI века, проведенные в основном мирным путём в странах Средневосточной Европы и отчасти Азии, которые считаются также мирными революциями. Но такие довольно существенные видоизменения целостных общественно-политических систем, хотя не везде одинаковые, несут за собой огромное количество разнообразных как прежних (реликтовых, достаточно не изменённых, нередко опасных структур и остатков прошлого), так и новых часто весьма сложных противоречий, проблем, задач и вызовов, с которыми разные страны нередко с большим трудом пытаются как-то справиться.

Поскольку выход из этого тревожного затруднительного положения согласно духу времени, общественным ожиданиям и принципу последовательности должен носить тоже мирный, эволюционный характер, количество и сложность семиотических и в связи с этим лингвистических задач, проблем и вызовов как в области теории, так и практики, как кажется, не уменьшилось, скорее увеличилось. Особое беспокойство вызывает тот факт, что все более осложняется сфера морально-этических явлений, играющая ведущую роль в общественно-политическом пространстве, поскольку от нее в значительной степени почти всё остальное зависит. В связи с этим во главу угла следует здесь поставить, наряду с соответствующими другими исследовательскими потребностями, рассматриваемую здесь общую задачу общественного обеспечения семиотической безопасности, реализация которой в исследовательской практике распадается на большое множество частных, конкретных задач

и связанных с ними проблем, среди которых важное место занимают поиски и идентификация завуалированных, т.е. скрытых механизмов, приемов и т. п., с помощью которых осуществляется нечестная обманчивая манипуляция под благородным лозунгом паблик рилейшнз. В подоснове этих механизмов, приёмов и других способов обычно скрываются речезыковые или другие определённые знаковые (в том числе символические) образования, от целей и способов создания которых зависит выражение правды или лжи и может быть также осуществление других видов манипуляции для определенных явных или неявных целей. Оказывается, язык, функционирующий в человеческой речи, является таким орудием, средством, с помощью которого можно сделать много добра или зла. С этой точки зрения он похож на разные другие, например, физические орудия, такие как, казалось бы простой нож, который в зависимости от цели и способа его использования может служить во многих отношениях добру и злу.

Указанный двойной характер функционирования языка и других орудий, в частности, физических (по аксиологической цели использования) наверно был известен и использовался при помощи риторических приёмов ещё в античное время, когда риторика считалась одной из главных дисциплин, изучаемых и используемых в речевой практике, особенно в публичных ораторских выступлениях. В связи с этим следует обратить особое внимание на софистику и эристику.

Софистика – философское течение в Древней Греции, созданное софистами, учения которых основаны на релятивизме, отрицающем существование истины и объективных ценностей. Софисты свою задачу усматривали, например, в том, чтобы научить людей, особенно молодежь, убедительно защищать с помощью софизмов, т.е. обычно хитроумных, мнимых рассуждений, любую точку зрения, которая может понадобиться в определённых делах. Из их философии выводилась также относительность понятий добра и зла, которую пытались доказывать чуть-ли не карикатурными методами: „Болезнь есть зло для умирающих, а для продавцов вещей, нужных для похорон и для могильщиков – благо”. Таким образом можно доказать, что угодно. Это ведёт научно-познавательные рассуждения и исследования к определённому абсурду. К сожалению, с помощью, в частности, таких казалось бы давным давно уже опровергнутых и забытых механизмов также в настоящее время предпринимаются попытки релятивизации не только добра и зла, но и правды (истины) и лжи, что приводит нередко к осознанному смешиванию и выравниванию этих явно противоположных понятий (и явлений) и даже к отрицанию их существования, например, объективной истины. Значит, можно, по-видимому, ожидать, что и основания существования такой древнейшей, имеющей весьма важное методологическое и эвристическое значение для всей науки и практических областей жизни дисциплины как логика, для которой

исчисления истин, например, истинности высказываний имеют фундаментальное значение, потеряют свой смысл, что неизбежно привело бы к какой-то невоображаемой абсурдности глобального масштаба.

Софизмы часто возникают в результате заведомо некорректного применения логических и семантических правил и операций. Софистами обычно были платные преподаватели красноречия и, по их мнению, необходимых в гражданской жизни знаний. К сожалению, также в наше время, т.е. по истечении примерно двух с половиной тысяч лет, всё больше стало появляться таких людей, которые для своих обычно корыстных целей или таких же целей своих партий, корпораций, группировок и т.п. не отказываются применять такие же или сходные методы в различных дискурсах и предлагать изменения в системе образования и воспитания молодежи в этом направлении.

Наряду с такой по сути дела деструктивной и обманчивой дидактической деятельностью древнегреческие софисты пытались строить теоретические основы эффективного использования софизмов и софистических рассуждений. Одновременно с этим софисты сделали важный шаг на пути к науке о языке (например, систематизация словоизменения и синонимических отношений).

Важно подчеркнуть, что разумную критику с логической точки зрения софистических манипуляций проводили Платон и другие, в том числе крупные античные философы. В произведении *О софистических опровержениях* критический анализ софизмов и их классификацию дал Аристотель. Он, в частности, разоблачил известный тогда софизм *Рогатый*: „То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога; следовательно, ты их имеешь”. Ошибка здесь заключается в неправомерном выведении из общего правила частного случая, не предусматриваемого этим общим правилом [12, с. 602].

Эристику Аристотель определял как борьбу в споре нечестными средствами. Эристические словесные построения это похоже на софистические ложные умозаключения, которые содержат обычно аргументацию, „проводимую лишь в целях убеждения и победы в споре – все равно, прав ли спорящий по существу или нет. [...] Следовательно, эристика „призвана анализировать и систематизировать различные приемы защиты собственных утверждений и опровержения чужих, которые применяются в препирательствах, имеющих своей целью не защиту или достижение объективной истины (могущей оставаться скрытой), а лишь убеждение других в своей правоте. Так понимаемая эристика отличается как от логики, исследующей формы умозаключений, которые обеспечивают истинные заключения, так и от чистой софистики, сознательно выдающей неправильное за правильное или наоборот” [12, с. 772].

Следует отметить, что также Шопенгауэр подобным образом рассматривал эристику, определяя её как искусство спора с целью остаться правым в дискуссии [13], но сохраняя известное расстояние к этой теории. При этом он составил сборник недобросовестных эристических приемов, обеспечивающих в дискуссии победу участнику спора, который по существу неправ, может быть также с целью предупредить людей, чтобы они не поддавались таким ловушкам.

Психологическую подоснову недобросовестного применения паблик релейшнз, пропаганды или рекламы составляют оживление, появление и использование обычно с применением психосемиотических (знаковых, в том числе символических) средств, т.наз. *стадного чувства* (стадного инстинкта). Своеобразное возрождение этого довольно странного, но не чуждого человеческой природе феномена наблюдается в настоящее время, хотя из покон веков оно было свойственно людям.

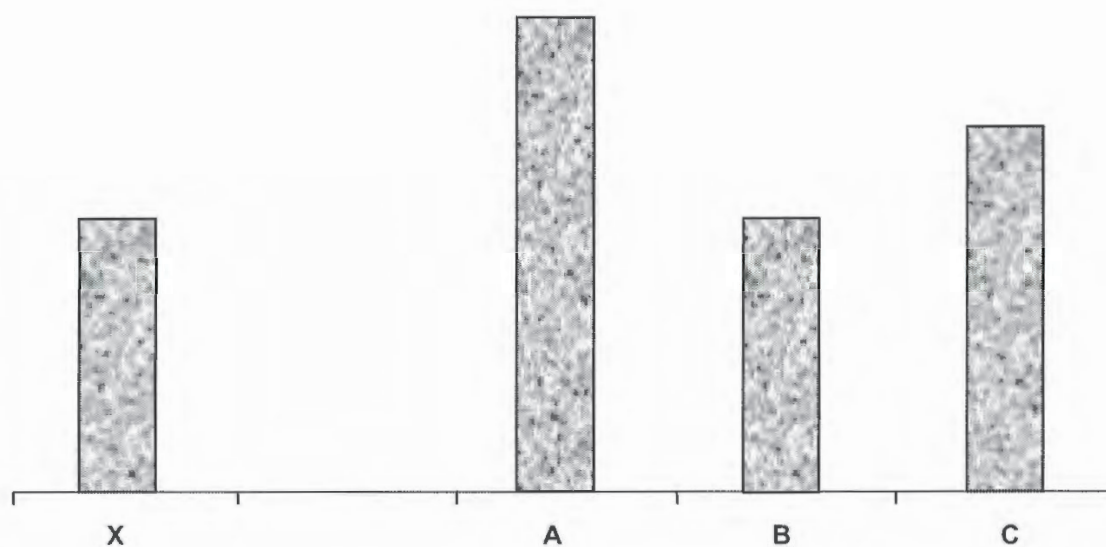
В художественной литературе это символическое образование стало известным, по-видимому, со времени эпохи возрождения, а точнее благодаря прежде всего пронизательной наблюдательности и известному произведению *Гаргантюа и Пантагрюэль* Франсуа Рабле. Может быть, не лишним будет в нескольких словах напомнить уже в какой-то степени преданный забвению эпизод из этого произведения.

Один из главных его героев остроумный и образованный Панург, над которым посмеивался на корабле один торговец баранов за то, что Панург носил очки, решил отомстить торговцу. Предложил продать ему лучшего из стада барана-вожака даже за очень высокую цену, которую потребовал торговец. Панург уплатил деньги, поймал купленного барана и ... бросил его в море. Все другие бараны последовали за ним. Наконец, разочарованный этой неожиданной для него ситуацией, смирившийся торговец сам бросился в море вместе с последним бараном, которого не удалось ему удержать и сохранить хотя бы одного для себя. С тех пор всех, кто бескритически склонен бессмысленно подражать, поддаваться любому общественному мнению, увлечению, моде и т. п., (не думая самостоятельно) во Франции, а затем и в других странах принято называть „панурговым стадом” (*moutons de Panurge*). Итак, знаменитый Рабле образно раскрыл сущность и механизм стадного инстинкта, который в последствии получил общественную символическую значимость.

Стадный инстинкт рождается и проявляется в разных общественных условиях, приобретая различные внешние видообразования, в частности, в зависимости от разных целей его использования – не только положительных, но и, к сожалению, часто отрицательных, обманчивых. Более полное, систематическое научное изучение этого

удивительного, подчас странного, нередко вредного социально-психологического явления потребовало бы обстоятельных междисциплинарных усилий. Здесь только будут кратко представлены некоторые более существенные его видообразования.

Как пишут ученые (профессора и доктора наук) Варшавского университета, авторы статьи „В защиту истины” [34, с. 12-13], рожденный в Варшаве профессор Соломон Аш (Solomon Asch) в 1951 году в США осуществил известное психологическое исследование вместе с экспериментом, в ходе которого собранные студенты получили рисунок, состоящий из четырех столбиков:

После этого участники эксперимента должны были ответить, который из 3 столбиков А, В, С совпадает по длине со столбиком Х. Студенты, на которых тест осуществлялся действительно (но они этого не знали), были только те, которые отвечали последними (последняя группа). С их же предшественниками С. Аш договорился, что они нарочно будут отвечать неправильно, утверждая вопреки рисунку, что столбик Х одинаков по длине со столбиком А или со столбиком С.

Результаты получились поразительные. Подвергнутые действительной проверке студенты последней группы поголовно давали ошибочные ответы, т.е. поступали так, как их предшественники. Значит, желание не противоречить мнению предшествующей группы побеждает даже элементарный здравый смысл, в результате чего можно добровольно, убежденно и публично сказать, что правдой является $2 \times 2 = 7$ – пишут авторы статьи. И дальше заявляют: „Вот сила внушения, вот поле для манипуляции в рамках т.наз. социального инженерного искусства, главного помощника тоталитаризмов” [34, с. 12]. Таким образом С. Аш более научно, непосредственно представил реальное существование социально-психологического

механизма стадного инстинкта, который образно на примере баранов изобразил в свое время упоминаемый выше Рабле.

Авторы рассматриваемой статьи представили тест С. Аша в настоящее тревожное время, когда во многих странах Европы и в последний период, особенно в Польше, пожалуй, как никогда раньше на повестке дня возникла неотложная необходимость встать на защиту истины (в философском или другом смысле), опасность отказа от которой являлась все более реальной угрозой, так как существование правды все назойливее стали оспаривать, в частности, путем ее релятивизации (в разных ситуациях) или других манипуляторских ловушек (псевдо-PR) разные, все более агрессивные (не терпящие других взглядов) представители т.наз. псевдонаучной прогрессивной интеллигенции, а также многих политических деятелей и соответствующих публицистических работников, в первую очередь журналистов, пытаясь охватить своим влиянием разные, по возможности широкие круги общества.

С большой дозой полемического такта группа известных физиков и химиков Варшавского университета, ссылаясь также на присягу, принятую после получения ученой степени доктора, в которой обращается внимание прежде всего на истину как цель и смысл научных исследований, что научная деятельность должна осуществляться „не для тщетной славы, но чтобы яснее блестел свет Истины, от которого зависит добро человеческого рода” [34, с. 12]. Это обширно аргументированное заявление вскоре было поддержано, также на страницах печати, научными работниками других университетских центров страны. Могут возникнуть разные трудности на пути поисков истины – отмечают авторы заявления, но есть к чему стремиться и следует это делать, а университет является для этого особенным местом. „Если бы университет когда-либо отказался от поисков истины – отмечают они – то все мы превратились бы в жалкое сборище фальшивых индивидов, переодетых в тоги” [34, с. 12]. Нередко приводимый вслед за Пилатом вопрос „что же такое истина?”, хотя, как пишут авторы статьи, звучит с виду привлекательно, является весьма опасным, ибо ведет прямо на путь нигилизма и ставит под сомнение не только смысл научных исследований, но также любой человеческой активности. Может случиться даже хуже этого, так как этот заманчивый вопрос, все чаще повторяемый в разных кругах общества, может быть умышленно представлен как мнение большинства, „мнение авторитетов” или как результат серьезных исследований, даже если все это неправда. На страницах влиятельных средств массовой информации могут быть представлены, например, соответствующие взгляды одной группы под предлогом мнения большинства и разгромлены сторонниками других взглядов, рассчитывая при этом на эффект

Рабле-Аша, являющийся следствием стадного инстинкта и отсутствия самостоятельного мышления.

По мнению авторов статьи, с такой ситуацией в настоящее время мы имеем дело, например, в Польше, причем повсеместно и в большом масштабе. Все мы, подчеркивают ученые, должны найти в себе силу, чтобы опротестовать это грубое попираание и опошление истины.

В сложившейся ситуации лицемерия и лжи, в нашей стране трудно найти место, где могла бы происходить доступная для общества, спокойная, серьезная дискуссия на существенную тему, основанная на принципе взаимного уважения, организованная таким образом, чтобы ее участники могли свободно, без никаких ограничений представить свои взгляды и аргументы. Вместо этого мы видим, пишут авторы публикации, что манипуляторские планы и огромный страх перед правдой приводит к тому, что заинтересованные представители т. наз. элиты общества (т.е. по сути дела псевдоэлиты) вместе с владельцами главных средств массовой информации умудряются организовывать разными способами унижающую по отношению к своим настоящим и воображаемым противникам – сторонникам правды, стремящимся к здоровой моральности и законности, в том числе занимающим даже самые ответственные государственные и общественные посты, например, президента государства и его ближайших сотрудников издевательскую кампанию под „демократическим” предлогом паблик релешнз. Некоторым особенно нежелательным потенциальным участникам дискуссии приписываются заранее соответствующие компрометирующие их „этикетки”, чтобы их исключить из публичной дебаты (научной, политической или другой) или даже из активной, например, общественно-политической жизни вообще. Новые возможности применения таких одичавших методов борьбы увеличиваются буквально с каждым днем.

Авторы публикации, о которой идет речь, справедливо отмечают, что если такая ситуация возникла бы в нормальном государстве, то против таким диким методам восстала бы элита общества. Но то, что у нас называется элитой, это не есть настоящая элита. Это прослойка, которая в большинстве случаев искусственно образовалась, т.е. „выросла” в соответствующих условиях под влиянием политически корректных массовых медиальных средств, а нередко также других вспомогательных ”факторов”. Эта искусственно созданная элита, в том числе также некоторая часть вузовских кадров, не только не выражает своего согласия на такие методы и стиль недостойного поведения, но нередко эти методы одобряет. Не хочет даже критически реагировать на употребление т. наз. нового языка политики, которое в Польше перешагнуло всякие воображаемые нормы и границы приличия. Дикость здесь кажется словом слишком мягким, почти ласкательным –

все чаще используются опасные вульгаризмы, презрительные и угрожающие слова и выражения, после которых путь к „хрустальной ночи” может оказаться более коротким, чем кажется – отмечают авторы публикации.

В Польше все-таки существует настоящая элита, которая возмущается этой ситуацией и серьезно опасается за судьбу нашей страны, но эта репрезентация высоко компетентных, обычно скромных, нравственно незаурядных интеллектуалистов, к сожалению, в большинстве случаев остается незамеченной и не использованной надлежащим образом в государственной жизни.

После этого нашего авторского сокращенного пересказа рассматриваемой публикации важно процитировать ее заключительные слова: „Никогда, однако, не должно решать то, о чем кто что-то говорит, каких друзей или недругов имеет говорящий, только самое простое: какие добросовестные, существенные аргументы можно спокойно, по деловому представить в защиту данного тезиса. Только это. Единственно такой подход может являться путем к оздоровлению ситуации. Это выражает не только сущность и миссию университета в прошлом и сейчас, но также составляет основу будущего каждого государства” [34, с.13].

Однако, учитывая более широкий и разнообразный контекст представленной выше ситуации, кажется, что указанный на первый взгляд правильный простой путь ее оздоровления далеко не всегда может быть практически успешно осуществленным в сложившихся и реально уже укрепившихся общественно-психологических и политических условиях, обычно имплицитно благоприятствующих достижению целей, нередко очень далеких от истины, но в том или ином отношении выгодных для заинтересованной стороны данного спора. Но, прослеживая происходящие вокруг нас социальные процессы – эксплицитные и – что не менее важно – имплицитные – нетрудно предвидеть, к чему может привести нас скатывание по наклонной плоскости. Показательно, что в последнее время масс-медиа обращают внимание на все более заметно дающие знать о себе под влиянием разных сложившихся причин, частично представленных выше, явления все большего разочарования, равнодушия, падения активности и попадания в инертное состояние многих слоев общества. Речь идет уже о политически (стоит здесь в связи с вышесказанным добавить – и прежде всего морально) „выгоревших” группах населения [24, с. 3].

В связи с этим следует заметить, что не только государства малые или средней величины, но и большие, даже огромные, начиная с античной эпохи (например, Римская империя) и в более поздние исторические периоды (Франция после наступления революции 1789 года, особенно во время якобинского террора, Польша, например,

в XVIII веке в период потери государственной независимости), а также в новое время (фашистская Германия или Советский Союз) нередко в сравнительно короткие (с исторической точки зрения) периоды времени потерпели поражения, прежде всего по причинам (о чем редко упоминается) морального и духовного разложения и связанного с этим общественно-политического расстройств и экономического упадка. Сколько еще потребуется этого типа новых примеров, чтобы были сделаны на их основе надлежащие практические выводы? Думается, что история, учительница жизни, этих примеров (выше указаны лишь некоторые, наиболее показательные) „предоставила” более, чем достаточно.

Очевидно, что в данной ситуации в первую очередь следовало бы обратить внимание на морально-этические системы, например, существующих на протяжении тысячелетий или многих столетий великих религий и верований – христианства, юдаизма, ислама, буддизма, чтобы, учитывая весьма большие их достижения преимущественно в духовном развитии мира, в частности, богатую научно-теоретическую литературу, посвященную главным образом различным областям этики и духовной культуры вообще, разрабатывать и использовать определенным образом предназначенную для светской общественной жизни еще не существующую программу морального возрождения, в частности соответствующего воспитания будущих молодых поколений.

Тот весьма знаменательный факт, что христианство распространилось в той или иной степени на всех континентах нашей планеты, в особенности в евроатлантическом и отчасти тихоокеанском пространстве, на протяжении двух тысячелетий просуществовало, развивалось и стабилизировалось (несмотря на многочисленные трудности и колебания) является лучшим подтверждением и доказательством жизненной силы, действенности и эффективности его основ, высших духовно-этических ценностей и принципов (особенно декалог и разные его дополнения). Кроме того высшие ценности и некоторые другие преимущественно универсальные принципы этой религии легли в основе морально-этических норм ряда других вероисповеданий, многих нерелигиозных (атеистических, агностических и т.п.) ориентаций и их морально-этических принципов. Можно даже утверждать, что все предпринятые попытки отхода от них, в том числе вышеупомянутых атеистических и антихристианских материалистических революций, переворотов и процессов, закончились вышеупомянутой неудачей. Также тот факт, что после длительной решительной борьбы, например, советского атеистического государства с религиями и почти полного их устранения из государственной и общественной жизни, в постсоветской России наступил поворот к возвращению православного христианства и других христианских религий и обрядов, как кажется, нельзя считать

простой случайностью. Приблизительно то же самое можно сказать о других бывших республиках СССР, а также о большинстве бывших социалистических стран. В связи с этим следует обратить внимание не только на опубликованную интересную книгу известного историка – специалиста, в частности, по истории России и советолога, профессора Ягеллонского университета Анджея Новака «Время борьбы с Богом» ("Czas walki z Bogiem", изд-во „Biały Kruk”, Warszawa 2011).

Важно также отметить, что долгое многовековое существование религий также не является процессом случайным, но можно предполагать, что вполне закономерным, ибо оно продиктовано не только закономерными процессами развития духовной культуры, но и не в меньшей степени природными правами человека. Подтверждением этого является тот факт, что относительно недавно проведенные научные исследования, целью которых была полная идентификация человеческого генотипа, привели, в частности, к открытию „отвечающих” за язык (речь) и веру разных для этих способностей человека генов (детерминирующих природный характер не конкретной, но любой, т.е. „открытой” потенциальной языковой или религиозной способности), о чем упоминали в свое время некоторые масс-медиа. (Только непонятно, почему эта весьма важная научная констатация не получила надлежащего более широкого информационного резонанса). Кроме того, проблема существования трансцендентной действительности (экзистенции) и в связи с этим символической трансцендентной Правды (т.е. Всемогущего Промысла Божьего по-разному понимаемого и называемого в различных этнических культурах и религиях) со временем получает все большее подтверждение не только в археологических и исторических источниках, в Ветхом и Новом Завете, проверенных в результате обстоятельных исследований, обычно комиссионных, представителями Костёла, Церкви, медицинских и других компетентных специалистов, признанных сверхъестественными откровениях, видениях, некоторых необъяснимых естественным образом исторических, общественных и индивидуальных чудотворных событиях и явлениях, оздоравливаниях, т. наз. знаках времени и т.п., но и в научных исследованиях, в том числе на почве естественных наук⁴, а также в личных мнениях ученых,

⁴ Из многочисленной уже литературы, в том числе научной, на эту тему см., напр., [14, 35,]. В связи с этим см. также [36, с. 32; 25, с.13; 20, с. 22; 15; 43]. Жаль, что в своём анализе проблематики чудес автор последней публикации [43], М. Войцеховский ограничился, в основном, древним периодом жизни и деятельности Иисуса Христа. Что же касается более позднего времени, то в его статье обращается внимание лишь на случаи выздоровления после молитвы и регенерации ампутированной ноги в 1640 году в Испании с замечанием, что нет необходимости верить, что всё это случилось в результате божественного вмешательства, но почему-то нет даже упоминания, например, о целой серии чудес в португальской Фатиме, происходивших в 1917 году на глазах многих

писателей и др. интеллектуалистов. Например, приведем здесь хотя бы слова великого немецкого физика, лауреата Нобелевской премии В. Гейзенберга (W. Heisenberg): „Первый глоток из бокала естественных наук приводит к атеизму, но на дне бокала лежит Бог” (ср. аналогичное высказывание современного польского епископа и поэта Ю. Завитковского (J. Zawitkowski): „Это только немного знаний отдаляет от Бога, много знаний приближает к Нему”), известного американского психолога и философа В. Джеймса (W. James): „Верить, не думая, это почти так же плохо, как думать, не веруя”, известного французского писателя и политика А. Мальро (A. Malraux): „XXI век будет или веком религии, или его вообще не будет”. Стоит также в этом контексте сослаться на слова великого русского писателя Ф.М. Достоевского: „Если Бога нет, значит все дозволено”. В указанной писателем последней ситуации моральные и другие нормы зависят только от людей, нет природных, объективных и тем более трансцендентных законов и принципов морального кодекса. Например, введение в Советском Союзе известного принципа, согласно которому по мере развития социалистического строя обостряется классовая борьба, повлекло за собой миллионы невинных человеческих жертв. Сколько этого типа законов, принципов и распоряжений было пущено в ход во время и в результате разных, особенно кровавых революций?!

Происходит, таким образом, постепенное сближение между наукой и верой, что нашло соответствующее отражение в известной энциклике папы римского Иоанна Павла II „Вера и разум” („Fides et ratio”), которая начинается знаменательными словами: „Вера и разум (Fides et ratio) это как будто два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины” [26, с. 4]. А в известном высказывании кардинала С. Вышиньского подчеркивается даже наличие тесной связи между разумом и верой: „Мужество христианина вырастает из синтеза разума и веры”. Значит, вера и разум это разные, но взаимно дополняющиеся явления. Независимо от того, какие были бы наши взгляды на счет существования или несуществования Бога, выработанные в рамках, например, христианства, являющегося столь вдохновляющим источником развития различных областей культуры, в частности, искусства, морально-этическая христианская система, которая получила в мире столь широкое признание как определенная аксиологическая нормативная основа в жизни, должна быть объективно оценена как великое достижение человеческой духовной культуры, служащее всем людям – верующим и неверующим. По-видимому, приблизительно так думал великий представитель французского просвещения Вольтер, убежденный критик религии, особенно всякого

тысяч людей – свидетелей, которые не сомневались, что участвуют в сверхъестественных событиях, сотворённых Богородицею и Промыслом Божиим.

религиозного фанатизма, когда высказал свою мысль о том, что, если даже Бог не существовал бы, то надо было бы его создать (выдумать) для людей. Тем более в настоящее время, учитывая весь исторический опыт, трудно удивляться справедливому, хотя очень горькому решительному, вытекающему из всё более одичавших проявлений современной контркультуры и нравственного безобразия, высказанному незадолго до своей смерти известным публицистом, далёким от всякого религиозного фанатизма, Яцеком Квечиным заявлению: „[...] Полная элиминация из общественной жизни христианских ценностей принесла бы – извиняюсь за выражение – совершенное озверение (zbydlęcenie) целых населений нашей цивилизации. Ибо это подлинные ценности. Во время крайне ощутимого их недостатка”.

Следует также отметить, что уважительное и доброжелательное отношение правительственно-административных кругов к религии, ее официальным представителям и всем верующим, как правило превращается, особенно в случае религии большой, охватывающей большинство или значительную часть общества страны, в мощную, внутренне мотивированную притягательную и объединяющую силу, направленную на активное участие населения в создании и реализации жизненно и нравственно обоснованных, насущных концепций, планов, программ и т.п. эффективного общественно-экономического развития данного государства.

Поэтому непомещение соответствующего обращения, указывающего на нравственные ценности и богатые культурные достижения Европы, тесно связанные прежде всего с традиционной христианской верой в Бога, в лиссабонском Трактате Европейского Союза ничего хорошего на будущее не предвещает для нашего континента. Более того. Это умолчание является исторически неверным, несправедливым и с точки зрения очевидно неизбежной религиозно-культурной конкуренции между исламом и христианством весьма опасным решением, пресекающим во многих отношениях бесценные, многогранные, плодотворные и нередко спасительные корни, и заодно отрубаящим многовековое дерево, на котором все мы, европейцы, „сидим”.

Христианство и вытекающие из его учения нравственные ценности, понимаемые не только в историческом, но также в современном и будущем плане, являются важным объединяющим началом построения более объединенной Европы, способствующим стабилизации и эффективному развитию Европейского Союза, который может рассчитывать на длительное существование только тогда, когда он будет представлять собой объединение суверенных (независимых) государств, как в свое время считал президент Франции Ш. де Голль.

Тогда также интернациональное чувство европатриотизма будет со временем более эффективно развиваться и укрепляться, особенно если это будет соответствовать широко понимаемым стремлениям и интересам (духовным и материальным, в теории и практике) всех объединенных в его рамках государств.

Как известно, первооснователи объединенной Европы, наверно отдавая себе в этом отчет, именно в христианстве, древнегреческой философии и древнеримском законодательстве усматривали основные источники этого объединения. И хотя эти корни, особенно в Западной Европе в результате действия все более дающих знать о себе псевдопрогрессивных сил ослабевают, не следует о них забывать, особенно о христианстве, которое, согласно вышесказанному, не только просуществовало, но и, несмотря на различные трудности и опасности, развилось и укрепилось на всех континентах, превращаясь в великое глобальное духовное движение, несмотря на некоторые временные колебания, выступающие в этом нередко поистине самоотверженном процессе евангелизации. Конечно, если хотим, чтобы принятая идея и планы дальнейшего развития объединённой Европы могли успешно осуществляться.

Кажется, что самоубийственными, ведущими к результатам, противоположным ожидаемым, могли бы тут оказаться попытки повторения, например, эксперимента, аналогичного советскому в области социоинженерного искусства, заключающегося в попытке создания в данном случае общеевропейского народа в едином федеративном государстве. Напомним, что это не получилось не только в бывшем СССР, но и в ряде известных в истории других этого типа экспериментов, построенных на искусственных основаниях. Формирование народа (и нации) это не только социально-исторический, но и естественный закономерный длительный процесс, который, как известно, может только тогда закончиться успехом, если ему будет способствовать комплексным образом соответствующее количество взаимно дополняющихся духовных и материальных предпосылок и оснований желательно на этапе еще окончательно не сформированных (неустойчивых) наций, как это случилось в специфических, довольно благоприятных условиях, на новых заселяемых главным образом европейцами американских территориях, что способствовало процессу объединения общества в рамках возникающих государств, например, в Соединенных Штатах Америки и Канаде или – при более значительном влиянии религиозного, преимущественно католического компонента – в странах Латинской Америки. Но следует при этом иметь в виду тот факт, что сформированные в рамках одного государства мультикультурное, особенно многоязычное общество (и нация) всегда чревато усилением в нём – центробежных тенденций.

Важно здесь также обратить внимание на конструктивную и благотворительную роль, которую сыграла христианская католическая Церковь (Костёл) в Польше во время деятельности многомиллионного общественного движения, возникшего в 1980 году под названием "Солидарность". Когда в декабре 1981 года было введено в нашей стране военное положение, официальная деятельность "Солидарности" была прекращена, закрыта. Ей удалось неофициально продолжать подпольную организационную, издательскую и другую работу главным образом благодаря всесторонней поддержке Костела, также в значительной степени в его помещениях. Благодаря этому "Солидарность" могла как-то просуществовать, что имело большое влияние на дальнейший ход исторических процессов и событий, связанных с важной общественно-политической трансформацией как в Польше, так и в других странах Средневосточной Европы, также на территории бывшего СССР.

Как только в Варшаве в 1989 году закончились заседания и были приняты решения Круглого стола, а затем обосновалась новая государственная власть уже с участием деятелей "Солидарности" и вообще оппозиции, нередко эти деятели все чаще стали забывать вышеупомянутую, можно сказать, неоценимую безвозмездную помощь, часто опасную для Костела не только во время, но и после военного положения. Более того, главные средства массовой коммуникации, находящиеся под влиянием государственной власти, левых либералов и экстремистских группировок постепенно перешли в наступление, направленное против Костела, т.е. против духовенства и многих верующих, составляющих, как известно, преобладающее большинство населения Польши. Эти явления в последнее время стали усиливаться, приобретая время от времени, очевидно под влиянием также международных современных антирелигиозных, особенно антикатолических тенденций, драматический характер.

Основным предметом и причиной или нередко предлогом спора является не всегда правильно понимаемый вопрос о несоблюдении или недостаточном соблюдении принятого Конституцией Польши и/или Ватиканским трактатом принципов разделения полномочий государства и Костела. Как нетрудно понять, применение этих принципов в разных областях культурно-общественной сферы, особенно в практической жизни, требует большого такта, недогматического, в некоторых аспектах строгого и последовательного (например, в случае соблюдения внутренней специфики „алтаря” и светского „престола”, как это символически определил в свое время примас Польши кардинал С. Вышиньский), в других эластичного подхода и взаимного понимания, например, в широко понимаемой публичной деятельности, участие в которой Конституция и согласованный с ней свод законов гарантируют всем гражданам Польши – светским и духовным,

верующим и неверующим – одинаковые права. Конечно, важно, чтобы обе стороны к этим нередко щепетильным проблемам подходили рационально, конструктивно, с большим чувством высокой ответственности за выгодное и полезное для всего государства благополучное материальное и духовное существование и развитие всего общества и вообще за его общее добро. Целостная нормализация и соблюдение хороших, конструктивных, доброжелательных отношений между государством и разными действующими в Польше религиозными обрядами, особенно между государством и Костёлом, как вытекает из вышесказанного, полностью отвечает глубоко понимаемым интересам польского общества и государства.

Таким образом, в подоснове только что проведенных рассуждений лежит проблема человечности, т.е. прежде всего определение природы (сущности), структуры и свойств этого весьма сложного феномена в соответствии с актуальными и перспективными потребностями и вызовами культурно-общественной семиосферы. В связи с этим возникают важные цели и задачи создания, усвоения (внедрения) и функционирования в этой семиосфере соответствующей адекватной (нравственно подлинной и здоровой) системы (или систем) морально-этических ценностей. Рассмотрение этой комплексной трудоемкой проблематики, связанной с реализацией программы морального оздоровления общества, требует координированных поли- и трансдисциплинарных исследований. Поэтому здесь только ограничимся некоторыми замечаниями по этому поводу.

Природу истинной (в частности, гуманной) человечности определяет прежде всего система морально-этических ценностей, проявляющаяся во внутренних и внешних измерениях человека, функционирующая в разнообразных связях человеческой личности с другими явлениями. Человек, обладающий ограниченной, оскуделой системой морально-этических ценностей, а тем более их лишенный, может стать, благодаря достижениям постоянно развивающейся науки и техники, своему все более развитому разуму и располагающему, таким образом, все более уничтожающими возможностями, наиболее опасным существом среди всех живых существ. Поэтому можно сказать, что истинная человечность развивается и созревает главным образом на здоровом моральном фундаменте. Более того, степень развития человечности прямо пропорциональна уровню морально-этических ценностей, какие соблюдает человек. По мере развития технократической цивилизации этот принцип приобретает особую актуальность в XXI веке и в дальнейшей перспективе. Имея все это в виду, необходимо в современных и будущих воспитательно-образовательных системах и общественно-воспитательной практике вообще по мере возможности оптимально использовать все истинно гуманные, взаимно дополняющиеся и обогащающиеся особенно

морально-этические ценности, выработанные на протяжении столетий на почве христианства и других религий, а также в рамках, например, т.наз. независимой этики (в эту область, как известно, в свое время внес определенный вклад проф. Т. Котарбиньский). Также морально-этические системы стран Востока, например Индии, могут служить богатым источником такого обогащения, о чем свидетельствуют очень ценные в этом отношении опубликованные размышления Отца Народа М.К. Ганди [18], учения которого, как подчеркивает его соотечественник Дж. Неру (Jawaharlal Nehru), многолетний премьер Индии, „предназначены не только для Его народа, но также для всех других народов” [18, с. 6].

В основе каждой общественно-коммуникативной деятельности лежит, как вытекает из сказанного выше, определенная семиосфера, без которой невозможно было бы функционирование и развитие знаковой информации, а тем самым человеческого мышления, языка, культуры и цивилизации. Рассматривая в контексте семиотики вышесказанные, а также другие актуальные вопросы, главное внимание необходимо посвятить обстоятельствам и условиям, которые должны обеспечивать доминантное положение системы нравственных ценностей данного общего культурно-социального пространства с учётом по-разному взаимосвязанных его частных пространств (областей) – научно-исследовательского, дидактического (образовательного), воспитательного, политического и т. д. Поэтому ученые Варшавского университета и в след за ними представители некоторых других высших учебных заведений совершенно справедливо прежде всего этой проблематике посвятили свои публичные выступления. В рамках общесемиотического ключа, как было отмечено выше, значительно повышающего объяснительную силу исследования самых различных областей культуры, дополнительные аксиологические ключи истины (и борьбы за неё) и добра являются методологически и по существу иерархически приоритетными, так как всякий путь, ведущий к фальсификации правды, т.е. ко злу, а тем самым к моральному падению, оказывается невозможным или весьма затруднительным в случае, если истина и добро в общественном сознании восторжествуют и займут прочное место. Тогда в той или иной степени теряют свою губительную силу воздействия на людей, к сожалению, выступающие в разных странах многие другие отрицательные, опасные, часто преступные действия и явления, отчасти упомянутые выше, такие как: терроризм, похищение, убийство, насилие, провокация, диверсия, шпионаж, предательство, тирания, расизм, шовинизм, воровство, взяточничество, коррупция, доносительство, клевета, обман, а также стадное чувство (эффект Рабле – Аша), политическая корректность (скрытый вид ограничения свободы), псевдо-PR и другие виды недобросовестной манипуляции, лицемерие, чрезмерное увлечение

модами, авторитетами, а также псевдомидами и псевдоавторитетами и т.д.

Но сама по себе победа и даже прочное возобладание правды и добра над ложью и злом в разных областях культурно-социальной семиосферы это лишь важный шаг вперёд на нелёгком многоаспектном пути введения в действие всех возможных эффективных идей и механизмов, я также практических концепций, направленных на нормализацию, формирование и закрепление морально здорового правового порядка и в соответствии с этим здравоохранительного, административного, культурного, научно-новаторского, воспитательного, образовательного, общественного, политического и т.д. обеспечения актуального и перспективного состояния и развития данного государства, находящегося в условиях сотрудничества и конкуренции с другими государствами. Думается, что в процессе реализации этой великой и благородной задачи среди предпринятых различных концепционных замыслов, проектов и практических мер весьма важную роль могут сыграть соответствующим образом профилированные, координированные, фундаментальные и прикладные научные исследования, в рамках которых надлежащее место, на наш взгляд, должна занять полидисциплинарная исследовательская парадигма, представляющая собой интегрированную систему научных дисциплин, с отчётливо выраженным аксиолого-семиотическим объединяющим профилем (уклоном), например, в таких в той или иной степени новых областях, как аксиолого-семиотическая логика, аксиолого-семиотическая этика, аксиолого-семиотическая кибернетика (и информатика), аксиолого-семиотическая общественная психология, аксиолого-семиотическая прагматическая лингвистика языка и речи (текста). Более подробная концепция и характеристика такого проекта может быть представлена в отдельной публикации.

Таким образом, чтобы предотвратить скатывание человека и общества в целом по наклонной плоскости редукции нравственных ценностей, необходимым, конкретным условием является прежде всего возобладание правды (а заодно более общей ценности – добра) в роковой общестратегической борьбе цивилизации добра и жизни с цивилизацией зла и смерти. И эту борьбу противники правды обычно начинают вести с различных как будто безобидных попыток релятивизации добра и зла, в частности правды и лжи, что неизбежно во многих случаях ведет к смешению (частичному или полному выравниванию) этих понятий (и явлений), а затем к их подмене и внушению людям, что черное есть белое и наоборот, $2 \times 2 = 7$ и т.п. Обесценивание здоровой морали часто начинается с потери правильного пути к истине или сознательного отказа от него. Неслучайно разные сегодняшние „наставники” и псевдонравоучители пытаются в первую очередь склонить людей усомниться в существо-

вании категории правды как таковой. В этой тьме обмана и заблуждений внушительно и в определенном смысле пророчески звучат цитированные выше слова докторской присяги.

Это, конечно, не означает, что установление истины в науке, практических областях и повседневной жизни происходит без никаких трудностей, например, на основании простого, чуть ли не очевидного выбора. Если так было бы, то наша жизнь стала бы слишком легкой, простой, в значительной степени неоригинальной, банальной и в конце концов неинтересной. Как нетрудно убедиться, например, на собственном опыте, путь к истине нередко бывает сложным, трудным, нередко очень трудным, не только в научной и вообще творческой деятельности, но и в разных областях профессиональной и повседневной жизни. Эти почти не изученные проблемы, связанные с категориями добра, правды и другими аксиологическими категориями и понятиями требуют интеграционного полидисциплинарного изучения. Особенно в случае научной и более широко понимаемой творческой работы этот нередко недостижимый путь превращается в кропотливые поиски и стремления к постепенному приближению к истине. И это вполне закономерно. Многие научно-исследовательские и другие творческие цели могут быть достигнуты лишь поэтапно, а некоторые должны быть отложены во времени или вообще оставлены за пределами актуальных, а может быть и будущих возможностей людей.

Значит, здесь имеется в виду тот факт, что в прошлом, особенно начиная с эпохи просвещения, ученые, в частности, философы науки, а затем и науковеды, чересчур оптимистически считали, что надо выходить из предположения, согласно которому наука всегда в конце концов обладает познавательными возможностями, даже в случае экстремальных трудностей, если последовательно, например, поэтапно стремиться к познанию научной истины, тем самым, не отдавая себе достаточно ясно полного отчета в существовании – причём в нередких случаях – принципиально непреодолимых человеком с помощью научных методов границ познания. В последнее время выяснилось на почве разных наук, что непреодолимые границы познания все-таки существуют. На эту тему высказываются, например, представители физических наук, с которыми разговаривал Богуслав Ромпала, автор вышеупомянутой статьи „Вера ученых” (B. Rapała, Wiara uczonych). Крупный польский ученый, специалист в области квантовой физики и вообще космологии проф. Збигнев Яцына-Онышкевич, исследующий, в частности, проблемы возникновения вселенной, утверждает, что невозможно сейчас и никогда не будет возможным в будущем всего объяснить в рамках науки. По его мнению, именно в космологических исследованиях и прежде всего в квантовой космологии существуют такие границы, по отношению к которым научная методология является бессильной. Так бывает между прочим в случае квантовых

беспричинных явлений, т.е. явлений, причин которых нельзя и не будет возможным никогда определить научным методом. К таким явлениям относится хотя бы распад ядер радиоактивных элементов. Это свидетельствует о том, что существует действительность, которая не поддается научным исследованиям. А такое наблюдение, по словам профессора, наводит на мысль о мире метафизики и даже теологии. Проф. Яцына-Онышкевич сообщает, что в научной среде физиков относительно много верующих лиц. Как исследователи природы они часто наталкиваются на границы научного познания, останавливаясь перед тайной. Такие ситуации свидетельствуют о том, что существуют сферы, которые являясь непознаваемыми, составляют фундамент понимания действительности. Но, кроме того, та часть мира, которую мы можем наблюдать, замечает проф. Яцына-Онышкевич, практически не меняет своих размеров в масштабе существования человечества. Вселенная же ускоряет свою экспансию. Поэтому вместе с истечением времени мы сможем исследовать все меньшую ее часть. Это тоже нужно принять к сведению с должным смирением, осознавая, что существуют границы человеческого познания, хотя еще в недалеком прошлом казалось, что их нет. В связи с этого типа исследовательскими ситуациями появляются все новые аргументы, касающиеся действительности, в которой центральное место занимает Бог. Это также аргументы в пользу того – замечает профессор – чтобы в Него верить. Значит, наука становится все более важным подтверждением существования сверхъестественной действительности. А второй собеседник Б. Ромпалы, также известный физик-радиоэлектроник, проф. Артур Пшеляковский, касаясь вопроса познавательной ограниченности науки и возможного участия потусторонних сил в процессах научного познания обратил внимание на то, что иногда в случае непреодолимых трудностей или экстремально сложных проблем, требующих разрешения, может оказаться спасительной т.наз. Божья подсказка – высоко развитая интуиция, с помощью которой многие крупнейшие физики и математики совершали переломные открытия, нередко награждаемые Нобелевской премией. Эти ученые, несмотря на свои огромные дарования и возможности, со смирением смотрели на свою ограниченность и открывали Божье всемогущество. По мнению участников этого дискурса, несмотря на то, что люди совершили замечательные открытия, научный работник наблюдая недостижимое величие и великолепие вселенной, чувствует, как все это неисчислимым образом перерастает его познавательные возможности и не могут не возникать у него глубокие чувства скромности и покорности, а также вопросы, связанные с тайной сотворения мира. А в упомянутой выше обширной книге М. Баер, *Как верят ученые* (M. Bajer, *Jak wierzą uczeni*) двадцать известных профессоров – других физиков, а также биологов, гуманитариев, врачей, представителей технических наук с надлежащей долей скромности

и смирения рассказывают о тайнах мира, границах его познания при научных поисках, открытиях, попытках решений чрезвычайно сложных творческих проблем и желаемой помощи потустороннего Покровителя в таких случаях, нередко перерастающих возможности человека и науки.

В связи с вышесказанным целесообразно привести следующее лаконичное высказывание великого польского астронома и мыслителя Миколая Коперника, чтобы понять вневременную актуальность цитированных его слов: „Задачей ученого является постижение истины во всех вещах, если Бог даст на это разрешение человеческому разуму” [19]. Но несмотря на то, что истина имеет своих мучеников, а ложь – своих бенефициантов (В. Голэмбёвский), обязательным императивом деятельности человека, особенно ученого, должно быть predetermined потенциалом умственно-духовных его возможностей принципиальное постановление никогда не покидать поисков путей ведущих к истине, если не хотим скатиться на опасную тропинку жизненного тупика – безвыходного, всегда безоружного нигилизма. В предсказательно-символическом наставлении М. Коперника и в этом императиве скрывается смысл часто нелегкой, но целенаправленной, плодотворной, творческой научной работы, а также честной жизни каждого человека.

Научные исследования системы культурно-общественной семиосферы, с учетом ее подсистем, хотя достигли уже значительных результатов, особенно в области языковых и в значительной степени литературно-культурных явлений, но все еще остаются недостаточно изученные ее области (подсистемы). Понятие и термин *семиосфера* введены в науку в конце XX века известным ученым – семиотиком, литературоведом и культурологом, основателем московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотманом по аналогии с термином (и понятием) *биосфера*, введенным и исследованным в первой половине XX века великим российским естествоиспытателем, одним из первых крупных представителей междисциплинарных исследований В.И. Вернадским. Его концепция биосферы легла в основе энциклопедических характеристик: „Это область жизни, комплексная земная оболочка, охваченная и организованная жизнью. Включает живое вещество (совокупность организмов) и неживое, охваченное и организованное деятельностью живого, благодаря чему земная оболочка в целом характеризуется специфической геологической и физико-химической организованностью” [12, с. 61]. В этой концепции нашли определенное отражение в биогеохимическом плане идеи о земных оболочках Э. Зюсса. Биосфера в процессе своего развития переходит в ноосферу.

Ноосфера, называемая также антропосферой, социосферой или техносферой, это область взаимодействия природы и общества,

в которой деятельность людей является главным фактором развития. Ноосфера по-разному понимается в научных исследованиях. Например, П. Тейар де Шарден рассматривал её как своеобразно идеальную оболочку Земли, „мыслящий пласт”, который распространяется над миром растений и животных – вне биосферы и над ней [11]. Ноосфера по Вернадскому, – новое эволюционное состояние биосферы, связанное с возникновением и развитием в ней человеческого общества, новых общественно-экономических формаций [1, 2].

„Если по аналогии с биосферой (В.И. Вернадский) – пишет Ю.М. Лотман – выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных знаков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними. В этом отношении язык есть функция, сгусток семиотического пространства, и границы между ними, столь чёткие в грамматическом самоописании языка, в семиотической реальности представляются размытыми и полными переходных форм. Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка” [5, с. 250]. И несколько ниже в данном тексте читаем: „Таким образом, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущие данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *семиосферу*. Подобное наименование оправдано, поскольку, подобно биосфере, являющейся, с одной стороны, совокупностью и органическим единством живого вещества, по определению введшего это понятие академика В.И.Вернадского, а с другой стороны – условием продолжения существования жизни, семиосфера – результат и условие развития культуры” [5, с. 251].

Но Ю.М. Лотман, исследуя семиосферу, не учитывал в достаточной степени, в отличие от В.И.Вернадского, более широкого „контекста” (фона) неживого вещества, охваченного и организованного деятельностью живой природы, а также ноосферы, охватывающей главным образом общественное пространство, в котором повсюду функционируют весьма существенные для его существования различные знаковые и символические образования. Значит, если последовательно применять этот более широкий (и комплексный) исследовательский подход к взаимосвязанным сферическим оболочкам, входящим в состав механизма земной коры, что целесообразно, потому что только тогда можно достаточно полным, исчерпывающим образом учитывать и изучать наряду с явлениями чистосферическими также переходные, смешанные явления этого целостного механизма, то понимание семиосферы, ограниченное Ю.М.Лотманом только

рамками пространства культуры, следовало бы расширить на каждое пространство, где функционируют знаки (знаки и символы). Правда, Ю.М.Лотман культуру понимает и учитывает в своих исследованиях обычно в более широком смысле, учитывая литературно-культурную и искусство-ведческую семиосферу наряду с некоторыми семотическими проблемами науки и техники, о чем свидетельствуют разные его публикации⁵. Но знаки и, следовательно, семиосфера в целом (в связи с этим и семиотика) распространяются во всех направлениях живой природы (семиотические исследования мышления, языка, коммуникации, культуры и искусства, науки, техники, искусственных языков и т.д. людей, исследование знаковых образований животных – зоосемиотика, а быть может и растений), и в той или иной степени возможно неживой природы значительно шире, чем самое широкое семиотическое понимание культуры. Более того, семиосфера, подобно вселенной, постоянно расширяется (всё время возникают новые знаковые единицы, а также новые знаковые системы), даже в космическом пространстве, если учесть соответствующие опубликованные научные работы, учитывающие, например, синергетическую теорию фракталов и проблемы космологической семиотики [27, 10, 23, 8, с. 41-42]. Можно сказать, что в семиосфере в целом, учитывая её постоянную экспансию, расширяющую исследовательский предмет семиотики, существуют многочисленные еще не познанные и недостаточно познанные пространства (семиосистемы и их подсистемы) и, таким образом, огромные, почти неограниченные исследовательские перспективы и возможности, также в области относительно развитой семиотики широко понимаемой культуры. Это подтверждают слова известного российского лингвиста, семиотика и культуролога Ю.С. Степанова, который в только что упомянутой обширной вводной статье пишет, что семиотика расширяется, например, в сферу этики, а также „в новую сферу – исследование культурных концептов, или концептологию”. Он при этом, будучи главным инициатором и основоположником этого научного направления, уточняет: „Под концептами понимаются понятия, но понятия наиболее общего порядка, являющиеся ценностями данной культуры и человеческой культуры вообще, – такие как „Закон”, „Справедливость”, „Любовь”, „Вера”, „Семья”, „Общество” и т.п., а также их более частные составляющие – „Цивилизованное общество”, „Правда, истина”, „Правосудие, суд” и т.п. И даже их антиподы – „Беззаконие”, „Ненависть”, „Хаос”, „Террор” и т.п. В отличие от просто понятий, которые определяются в системах

⁵ См., напр., работы Ю.М. Лотмана, помещенные хотя бы в цитированном выше посмертно изданном обширном седьмом томе его научных работ озаглавленном „Семиосфера”: „Символические пространства”; „К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)”; „Культура как комплексный интеллект и проблемы искусственного разума”; „Технический прогресс и культурологическая проблема” и т.д.

частных наук и в общем виде в логике, концепты не только определяются, но и *переживаются*, – они имеют *эмоциональную и художественную* компоненту” [8, с. 41]. Учитывая все эти и связанные с ними другие обстоятельства, проблема границ семиосферы и науки о ней – семиотики остается открытой.

Наиболее тесно семиотика связана не столько с культурой и не столько с интересующей также здесь нас социальной сферой, которые знакам и знаковым системам в значительной степени (если не полностью) обязаны своим существованием, сколько с *информацией*, значит, ещё с одной сферической оболочкой – сферой информации (и в связи с этим науками о ней, в частности, информатикой), т.е. с *инфосферой*, которой обязана своим существованием вся семиосфера. Отсюда вытекают еще недооцененные далеко идущие научно-исследовательские и практические последствия, представляющие собой огромный потенциал возможностей, требований и вызовов, весьма важных для фундаментальных и прикладных исследований в рамках взаимного междисциплинарного сотрудничества между, с одной стороны, – кибернетиками, с другой – семиотиками и лингвистами, а также соответствующими представителями некоторых других наук и профессий. Имея в виду не только познавательное, но также, а может быть еще в большей степени практическое значение такого сотрудничества, особенно в эпохе электронно-информационной и технологической революций, приходится только сожалеть, что в нашей стране в этой области, насколько нам известно, еще не были предприняты соответствующие координационные мероприятия, которые принесли бы конкретные заметные результаты. В этом отношении в ряде других стран ситуация представляется значительно лучше.

Можно полагать, что инфосфера является универсальным феноменом вселенной, если учитывать существование трех выделяемых нами видов информации – активной, характерной для живой, органической природы, а также содержащейся в неживой (неорганической) природе – полуактивной и пассивной. Благодаря обязательному соучастию инфосферы в образовании разного рода знаков, возникла своеобразная оболочка земной коры – интересующая нас здесь семиосфера, являющаяся главным источником и механизмом, с помощью которого происходят процессы порождения (возникновения) и вращения информации в разных коммуникационных отношениях и ситуациях (не только общественных, человеческих), выступающих в универсальном масштабе. В результате интенсивного развития в рамках культуры и цивилизации, науки, техники, технологии, промышленности, сельского хозяйства и различных областей общественной жизни, как известно, все быстрее, в некоторых случаях даже лавинообразно увеличивается количество новой разного рода

информации, прежде всего в цифровой форме, а также языковой, которая, будучи в информационно-порождающемся процессе информацией первичной и – благодаря системе естественного языка – универсальной (характеризующейся наиболее богатыми в сравнении с другими семиотическими системами содержательно-выразительными возможностями, способами и приемами межъязыкового и межсемиотического перевода, креативными свойствами и т.п.), играет ведущую роль в разнообразной структуре других видов и носителей обычно производной (вторичной) по отношению к ней информации, также существующей в цифровой форме. Этот бурный рост информации рождает и надежды (например, что эта новая информация будет вовремя эффективно и умело использована на благо человека), и серьезные опасения, вызванные главным образом все более увеличивающимися диспропорциями (непосредственно ведущими к информационному кризису) между лавинообразно растущим на разных языках количеством научно-технической, экономической и другой информации и ограниченными возможностями её актуального использования (переработки и практического приспособления) человеком. Уже сейчас в некоторых областях науки и техники затраты времени на изучение разноязычной литературы на данную тему нередко превышают количество времени, которым вообще располагает ученый или исследовательский коллектив. Значит, все меньше и меньше остается или вообще не остается времени на исследование и решение новых вопросов. Отказ от изучения существующей литературы, связанной с разрабатываемой темой, как нетрудно предвидеть, не может приниматься в расчет, так как он неизбежно все чаще будет приводить не только к неучету, но и к повторениям уже полученных исследовательских результатов (к очередным открытиям пресловутой Америки), и различных других решений, делающих этот путь эвристически и экономически неэффективным, все более тормозящим прогресс науки и неприемлемым с точки зрения требований авторской этики (нарушение преемственности творческого процесса, отсутствие многих ссылок на более ранние работы на данную тему других авторов, опасность плагиатов и связанных с этим подозрений и т.п.).

Ясно, что если традиционные способы хранения, переработки и использования языковой информации не будут надлежащим образом усовершенствованы, то не исключено, что уже в недалеком будущем во многих областях науки и техники вышеуказанный информационный кризис будет проявляться в такой степени, что дальнейшее эффективное развитие этих областей, а в последствии науки и техники в целом, будет крайне затруднительным. Поскольку различные области науки, техники и общественно-экономической жизни взаимосвязаны, постоянно нарастающий информационный кризис будет оказывать все

более отрицательное, тормозящее влияние на дальнейшее развитие всей культуры и цивилизации. Если бы удалось успешно преодолеть этот кризис с помощью эффективных решений автоматизации процессов подготовки, переработки и использования языковой, особенно иноязычной информации прежде всего путем усовершенствования алгоритмов машинного (автоматического, компьютерного) перевода, вместе с использованием возможностей Интернета, сотовой связи и т.д., открылись бы весьма широкие перспективы развития и прогресса во всех областях жизни, что, в свою очередь, привело бы к радикальному росту, умножению материальных и духовных ресурсов, выравниванию существующих в мире необоснованных диспропорций и шансов, а также постепенному, более равномерному подъему уровня жизни в отдельных странах и регионах мира.

В этом контексте несомненно весьма существенное значение имеют упомянутые Интернет и беспроводная сотовая связь, неимоверно ускоряющие между жителями нашей планеты информационные контакты, до минимума „сокращающие расстояния”. Но следует при этом иметь в виду, что Интернет и сотовая связь создают лишь электронно-технические предпосылки для ускорения этих контактов. Благодаря этим средствам связи можно очень быстро соединиться с разными точками нашей планеты, но языковые барьеры по-прежнему будут существовать и при незнании общего языка разговора делают невозможным или, при недостаточном его знании, затруднительным общение и вообще вращение информации. Такие же затруднения возникают в библиотеках и других местах, когда возникает потребность использования иноязычных текстов. Следовательно, языковые барьеры надо преодолевать другими методами и способами. А количество информации, как уже упоминалось, бурно увеличивается (по имеющимся приблизительным данным оно удваивается в среднем в течение 10-12 лет, а в некоторых областях – даже в более короткие сроки).

Поскольку, несмотря на динамическое развитие разного рода искусственных, обычно формализованных лингвосемиотических систем (информационно-поисковых языков, языков программирования, языков-посредников и т.д.) в разнообразной структуре видов и носителей информации ведущую роль играют, однако, этнические языки, принципиальным условием предотвращения или устранения глобального информационного кризиса, а также локальных этого рода кризисов является основанное на новейшей электронно-вычислительной технике радикальное преодоление языковых барьеров. Понятно, что возможности их преодоления заключаются среди различных видов автоматической переработки языковой информации в создании прежде всего достаточно эффективных алгоритмов автоматического перевода, так как это привело бы к появлению усовершенствованного Интернета

или беспроводного телефона (с подключенным, например, миникомпьютером, содержащим действующие соответствующие алгоритмы машинного межъязыкового перевода) не только „сокращающих расстояния”, но и обладающих принципиально новыми коммуникативными возможностями.

К сожалению, это задачи все еще отдаленного будущего, хотя в настоящее время, принимая во внимание полученные на этом пути частичные результаты, можно считать принципиально возможным осуществление этого типа сложнейших задач в будущем. Но важность, значение и не терпящие отлагательства требования общего прогресса и ускоренного развития современного мира указывают на особую актуальность и значительность только что представленных проблем и задач. Поэтому выступающая еще в настоящее время беззаботность, недооценка, умалчивание и в результате фактический отказ от их реализации, особенно в больших или средних высоко или относительно развитых странах, не желающих очутиться позади рационально и активно развивающейся части мира, нельзя считать оправданными. По нашему мнению, уже раньше надо было в Польше предпринять значительно более активные организационные и исследовательские мероприятия в этом отношении. Поэтому столь актуальным кажется внесенная нами выше идея более широко развернуть комплексное сотрудничество в области поли- и трансдисциплинарного исследования вышеуказанных проблем и задач в нашей стране – ученых, инженеров и других специалистов с соответствующим прикладным уклоном – кибернетиков, информатиков, специалистов по математической логике и лингвистике, логической и лингвистической семиотике, компьютерной лингвистике, электронщиков, программистов и возможно соответствующим образом подготовленных и компетентных представителей других наук и профессий. Откладывание этих злободневных, сложных, но и очень интересных, занимательных, весьма важных в общественном, научно-познавательном, прикладном и практическом отношениях вызовов времени в так называемый долгий ящик, несомненно, было бы грубой ошибкой, чреватой многочисленными отрицательными последствиями.

Согласно вышесказанному, семиосфера наиболее тесно, органически связана с инфосферой, несравнимой по своей древности, существовавшей также в том или ином виде миллионы (если не миллиарды) лет до появления семиосферы. Но поскольку обе эти сферы расширяются (инфосфера вместе с вселенной, а также с развитием живой и неживой природы, семиосфера, в основном, в зависимости от развития живой природы), нельзя достаточно точно решить проблему установления их границ. Проблему границ в данном случае, также в случае других расширяющихся сфер (например, сферы культуры) по признаку занимаемого ими пространства можно решить

в плане релятивном. Итак, по этому признаку семиосфера, будучи взаимосвязанной с инфосферой, частично совпадает с ней, которая кроме того занимает пространство, выходящее далеко за пределы семиосферы. Культура же через посредство сосуществующей с ней семиосферы, связанная с инфосферой, лишь частично совпадает по данному признаку занимаемого пространства с ними (эта частичность проявляется, конечно, в значительно большей степени в случае семиосферы, чем в случае инфосферы). Значит, по сравниваемому признаку 1-е место занимает инфосфера, 2-е – семиосфера, 3-е – интересующая нас здесь культурно-общественная семиосфера, 4-е – сфера культуры.

Поскольку культурно-общественные явления во многих отношениях неразрывно взаимосвязаны, они должны в научном плане, также семиосферическом, рассматриваться и совместно, и отдельно. В семиосферическом ракурсе многие вопросы культуры (в узком смысле), а также логики, языка (и науки о языке), литературы (и литературоведения) в значительной степени благодаря достижениям Ч.С. Пирса, Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, А. Греймаса, Ю.М. Лотмана и его школы, Ж. Пиаже, Э. Бенвениста, Р. Барта, Ц. Тодорова, К. Леви-Стросса, А. Прието, В. Проппа, П. Серио, У. Эко, К. Айдукевича, Т. Котарбиньского, С. Жулкевского, М.Р. Маеновой, Е. Пельца, А. Вежбицкой, Б. Холл Парти, В. Штейница, А.Ф. Лосева, Ю.С. Степанова, Б.А. Успенского, Н.Б. Мечковской и других исследователей нашли обширное, нередко глубокое освещение, тогда как многие остальные научные, общественные и другие области явлений или до сих пор не получили удовлетворительной научной семиосферической интерпретации, или всё ещё находятся за рамками этого типа исследований.

Общая и частная семиотика вместе со своим широко понимаемым предметом исследования – семиосферой (общей и частной) является рядом с философией, пожалуй, глобальной и универсальной, хотя все еще недооцененной наукой. О её недооценке свидетельствуют, в частности, вышеупомянутые, многочисленные, исследовательские лакуны (в том числе ещё не замеченные или явно недостаточно исследованные области, такие как семиосфера политики, идеологии, религии, вышеупомянутой этики, большинства научных, технических, медицинских и других дисциплин, их технолектальных метаязыков, в частности, терминологии, зоосемиосферы, возможно космосемиосферы и т.д.) и другие недостатки. Например, отсутствие удовлетворительной методологии и методики исследования, особенно общественной подсистемы семиосферы, очень затрудняет осуществлять соответствующие исследования на должном научном уровне. Находясь в данной ситуации, такой широкоизвестный автор, как У. Эко в своих исследованиях семиосферы

повседневной жизни воспользовался, в основном, правда, очень важным, но недостаточным для реализации более полных, всесторонних и строгих исследований т.наз. семиотическим ключом, а также собственной скорее интуитивной аналитической методикой. Более того, этот подход приводит к тому, что результаты научных работ, основанных на недостаточном методологическом и методико-исследовательском фундаменте, характеризуются также большей или меньшей их недостаточностью и полноценностью в познавательном и прагматико-практическом отношениях. Поэтому очень актуальной задачей желательно на ближайшее будущее является выработка надежных, конструктивных семиотических (и семиосферических) теоретико-методологических стратегий, методов, принципов и приемов различных перспективно охватывающих целостное пространство семиосферы исследований, обеспечивающих достаточно полную их адекватность и эффективность, согласно указанным выше потребностям и требованиям.

Основополагающее значение для методологического совершенствования и повышения адекватности, а также описательно-объяснительной силы всей науки о семиосфере, её подсистемах и областях, на наш взгляд, имеют прежде всего семиотико-лингвистические исследования, в рамках которых с участием математической логики, начиная с последних десятилетий XIX века, формировались основы общей и лингвистической теории знаков – основных единиц семиотической науки. Оказалось, что вопросы, связанные со знаками, их природой, спецификой и структурой наиболее целесообразно разрабатывать с мыслью об изучении разных существующих в природе видов знаков, а тем самым об интересах целостной широкопонижаемой семиотической науки, на материале естественного (этнического) языка – наиболее сложной и богатой, универсальной семиотической системы, функционирующей в виде речезыковой действительности (реальности). Может быть нелишним будет здесь также подчеркнуть, что о ее универсальности и наиболее богатых коммуникативных возможностях свидетельствует хотя бы тот факт, что на этнический язык можно адекватно или довольно адекватно перевести каждую информацию, закодированную средствами любой другой этнической или неэтнической знаковой системы, в то время как возможность такого перевода, например, любого текста на естественном этническом языке с помощью средств искусственных неэтнических языков невозможна (в лучшем случае может быть только частично выполнимой).

Таким образом, среди огромного количества задач и проблем, стоящих перед наукой о семиосфере и прежде всего перед общей семиотикой, в частности теорией знаков, изучение с этой точки зрения этнического языка должно занять весьма важное (если не ведущее)

место. Это вытекает также из насущных потребностей компьютерной лингвистики, в частности, задач и вопросов, связанных с разработкой алгоритмов машинного перевода не только в рамках этнических языков, но и других знаковых систем, а также других видов автоматической переработки информации, выраженной средствами как этнических языков, так и других знаковых систем с участием, например, этнических и искусственных языков или искусственных и других видов неэтнических знаковых образований, в том числе знаков животных.

В этом контексте важно также отметить особое место и роль естественного языка в культурно-общественной семиосфере, которая, в свою очередь, занимает центральное место в семиосфере вообще.

Но в современном научном, особенно лингвистическом дискурсе обычно все еще принимаются во внимание, часто в качестве обязательных, восходящие, как правило, к широко известному «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра традиционные взгляды на основные вопросы лингвистической семиотики. Это относится также к его теории билатеральных языковых знаков, которые не охватывают и не учитывают в достаточной степени прежде всего денотативного и прагматического отдельных аспектов исследования речезыковой реальности (в плане содержания знака учитывается им только умозрительно, абстрактно понимаемое означаемое), весьма существенных при изучении, в частности, конкретных коммуникативных ситуаций, коннотаций, дополнительной (стилистической) информации и многих других явлений дискурсивного плана (всей т. наз. лингвистики речи, текста). В связи с этим для адекватного и полноценного изучения семиосферических явлений определённого культурно-общественного пространства, например, политики, повседневной жизни, этики, религии и т.д., а также других семиосферических пространств, эта теория оказывается малопригодной, не обладающей как существенный компонент теоретического и познавательного-эмпирического исследовательского процесса достаточной адекватностью и объяснительной силой. Поэтому необходимым является основательный пересмотр этого типа теорий и построения модифицированных или новых концепций речезыковых знаков с надлежащим учетом потребностей и требований обстоятельных исследований речезыковой реальности, также в плане культурно-общественной семиосферы и многих других семиосферических пространств. Об этих и некоторых других связанных с этим вопросах и исследовательских предложениях речь будет идти ниже, в последней части этой статьи.

Современная семиотика, сейчас понимаемая как наука о знаках и знаковых системах, их структуре и функционировании в информационных процессах, в своем первоначальном виде, укоренившемся затем в традиционных исследованиях, была впервые довольно глубоко

продумана и обоснована с помощью определенных научных принципов во второй половине XIX века американским математиком, логиком и философом Ч. Пирсом, исследующим разные виды знаковых образований, особенно естественного (этнического) языка (им был введен и сам термин *семиотика*), хотя знаки, как известно, в той или иной форме и степени рассматривались и дискутировались, как правило, на философской почве с античных времен. В Европе работы Ч. Пирса, к сожалению, стали известны значительно позже, в 30-е годы XX столетия. Но независимо от этого швейцарский языковед Ф. де Соссюр в конце XIX и начале XX века представил семиологическую (по его терминологии) интерпретацию естественного языка, т.е. как системы знаков, считая так понимаемую лингвистику областью более широкой науки о знаках – семиологии. Важную роль в семиотических исследованиях играют до сих пор работы Ч. Морриса, Р. Карнапа, А. Тарского и многих других, частично упоминаемых нами известных авторов. Следует также обратить внимание на все еще соблюдаемое в разных странах выделение трех аспектов (уровней семиотических исследований) Ч. Моррисом [31, с. 45-97]. Это синтактика, которая исследует отношения формально-грамматического характера между знаками-означающими, семантика, изучающая отношения между знаками-означаемыми вместе с денотативной действительностью, и прагматика, занимающаяся отношениями между знаками, последовательностями знаков (их сочетаниями) и пользующимися знаковой системой, т.е. теми, которые употребляют, воспринимают, интерпретируют и практически используют знаки, в том числе отношениями между участниками общения, дискурса в определенных ситуациях, культурно-общественных и жизненных условиях.

Эта аспектная классификация, в основном, соблюдается в исследовательской практике, но она, не будучи исчерпывающей по отношению к семиотике (классифицируемому объекту), как можно думать на основании указанной работы Морриса, не учитывает и таким образом не вводит как важного, изначального предмета семиотических исследований – учения о простом знаке (и его структуре), являющемся элементарной (и основной) единицей семиотической науки, и более широко понимаемой целостной теории знаков, а также многих весьма существенных для этой науки в целом вопросов, не только для выделенных ее аспектов. При этом интересно отметить, что как будто вопреки этой аспектной классификации Ч. Моррис некоторые свои интересные исследования посвятил именно общей теории знаков.

Возможно, что под влиянием этой классификации многие авторы свои нередко обширные исследования, например, монографии, антологии, сборники статей и т.п., посвященные семиотической проблематике, вслед за Ч. Моррисом и его последователями часто начинают с анализа *высказывания* как основной, исходной единицы

(ячейки) семиотического мира. Например, так недавно поступил также в вышеупомянутой вводной статье „В мире семиотики“, предпосланной книге „Семиотика, Антология“, очень интересной по своему содержанию, её редактор и составитель Ю.С. Степанов, весь свой анализ, начиная от *высказывания*, которое назвал базовой ячейкой мира семиотики. А ведь высказывание, являясь сложным знаком, состоит из элементарных единиц – простых знаков. Значит, важно прежде всего знать, что такое простые знаки, каково их строение, виды, классификации (вопреки некоторым утверждениям попытки построения довольно интересных классификаций знаков, без которых трудно развивать дальнейшие семиотические исследования, были предложены, например, Т.Милевским в вышеуказанных публикационных вариантах), функционирование в семиосфере и т.д.

Правда, в самой антологии ее главный редактор и автор вводной статьи Ю.С. Степанов, удовлетворяя в известной степени потребности и интересы читателей, в разделе 1-м, озаглавленном „Из области основной семиотики“ публикует три интересные проблемные работы, посвященные в значительной степени теории знаков, что проявилось особенно в статье Р. Якобсона, о чём будет идти речь ниже. Думается, что такие темы, как теория знаков, знаковые системы, семиосфера, общие принципы семиотики, логическая семиотика, лингвистическая семиотика, семиотика и культура, семиотика и литература, семиотика и психология, семиотика и кибернетика, семиотика и информатика и т.п., значительная часть которых нашла свое место в рассматриваемой книге-антологии под редакцией Ю.С.Степанова, а также, конечно, трехаспектный подход к анализу (теоретическому и эмпирическому) знаков, знаковых систем или семиосферы в целом, не говоря о возможных других подходах, с разных сторон, также в контексте других наук и практических областей, анализирующих в синхронической и диахронической перспективе различные виды знаков, знаковых систем и научных дисциплин, складываются по принципу дополнительности на все более адекватное, эффективное и полное познание чрезвычайно богатого и разнообразного семиосферического мира и все более разветвленной комплексной науки о нем.

Согласно вышесказанному, здесь нам еще придется заняться также некоторыми важными общими вопросами теории знаков на примере основной лингвистической семиотики. Целесообразно начать с попытки предложить более точную дефиницию понятия простого знака, т.е. элементарной единицы знаковой системы, так как благодаря его возникновению перед живым миром природы, особенно перед появившимся человеком, открылось огромное непостижимое пространство инфосферы – активная информация и ее другие виды. Возможность созерцания мира с помощью высказываний, которые функционировали обычно с наличием предикативной функции, т.е.

предложений, появилась, очевидно только тогда, когда в природе началась эпоха человека. Предикативную функцию предложения и вместе с тем всей речезыковой действительности, делающую возможным функционирование абстрактного мышления, по-моему, следует считать одним из самых важных человекотворческих факторов.

Потенциал знаковой информации определенной семиотической системы имеет в целом функционально-семантический характер. Эта информация в своей элементарной форме рождается в процессе функционального акта-семиозиса (в логико-математическом смысле), в котором материальный элемент (объект) w из области означающего поставлен в отношения соответствия с элементом x из области означаемого по отношению к элементу y из денотативной области и элементу z из прагматической области, которую можно назвать областью прагменса. Следовательно, вследствие функционального характера акта семиозиса семантико-информационный элемент простого знака является в нем доминантой. В более широком плане активного функционирования информационно-семантического плана семисферы, а в ней различных простых и сложных знаков и текстов, например, перед появившимся в природе человеком открылся весьма интересный познавательный путь постепенной, все более развитой, переполненной трудом и трудностями жизненной, общественной и культурной деятельности. Итак, не следует забывать, что в этом процессе на его начальных этапах развития человека свершились два переломных момента – номинативно-функциональный акт семиозиса, в результате которого появились простые знаки человеческого языка, и акт предикативно-функциональный, в результате которого благодаря сложному знаку с особой предикативной функцией появилось в языке и речи предложение и вместе с тем возможность развития вышеупомянутого абстрактного мышления мыслящего человека (*hominis sapientis*).

Разрабатываемые семиотиками, лингвистами, логиками и представителями некоторых других наук семиотические теории естественного языка и речи, в основе которых лежит, в частности, различное понимание знака как унилатерального, билатерального или трилатерального образования целесообразно рассматривать в категориях взаимного дополнения, а не взаимного исключения. Долгие, продолжающиеся до сих пор споры, например, на тему односторонности или двусторонности языкового (и речевого) знака кажутся необоснованными, в частности, потому, что в речезыковой действительности, особенно в живой речи функционируют различные виды знаков. Место и роль этих знаков в речезыковой действительности в значительной степени зависят от их специфики. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить, например, функционирование в речи симптомов, образов (т.е. иконических

сигналов в классификации Пирса), несемантических сигналов (т.наз. *arele* в классификации Милевского) с собственно языковыми знаками.

Кроме того, ученые, исходящие из разных методологических позиций или конкретных исследовательских целей, предлагают разные интерпретации знака. Применение каждой из них может привести к новым результатам. Достаточно вспомнить известные работы, например, Р.Карнапа, в которых оправдала себя с точки зрения строго определенных исследовательских целей концепция унилатеральной сущности знака, или, с другой стороны, современные исследования, направленные на поиски языковых картин мира, в которых существует потребность учета денотативного плана наряду с другими планами знаковой системы, т.е. использования концепции трилатеральной сущности знака (означающее – означаемое – денотат). Учет этих трех планов (сторон) в исследовании языковых картин мира обязателен, так как в противном случае проблема языковой картины мира снимается, исчезает. В рамках категорий полилатеральных, или многосторонних, знаков, следует выделить также знаки квадрилатеральные, т.е. четырехсторонние, состоящие из означающего, означаемого, денотата и прагменса. Такие знаки могут найти применение особенно в прикладных областях разных наук и практической жизни – т.е. в широко понимаемой прагматической семиосфере. Особенно в настоящее время и вообще в XXI веке, по-видимому, будет возрастать значение этой проблематики, которую можно назвать прагматическим фоном знака в целом. Ликвидируется таким образом наблюдаемое большое расхождение, несоответствие между фрагментарной теорией (всё ещё доминирующая в науке о языке билатеральная концепция знака) и полным объектом исследования – реальной семиосферой, которая имеет значительно более широкий полилатеральный характер. Этот подход полностью соответствует предложенной нами выше дефиниции знака, более объемной, учитывающей также денотативную область (элемент *y*) и комплексный элемент *z*, охватывающий весь обычно выступающий реальный или возможный нулевой (теоретически предполагаемый) элемент, часто комплекс элементов, прагматического фона знака, весьма важный с познавательной, прикладной и практической точки зрения. Таким образом, не отрицая полностью целесообразности изучения для определенных целей частных и тем самым в данном случае фрагментарных вариантов понимания знака, наиболее общую (и возможно полную) представленную нами выше концепцию знака можно также изобразить при помощи соответствующей конфигурации квадрата:

Согласно приведенной схеме, между всеми четырьмя элементами (и сторонами) знака выступают непосредственные прямые и обратные связи, которые тоже вообще или надлежащим образом (достаточно полно) не учитывались в соответствующих исследованиях. обстоятельное изучение различных по своему характеру, содержанию, месту и роли этих внутрискруктурных отношений между элементами структуры знака, обозначенными на схеме продолговатыми или прерывистыми линиями, является весьма важной задачей современной лингвистики и семиотики (широко понимаемой, о чем речь будет идти ниже).

Относительно разных концепций структуры знака следует еще заметить, что широкие и более узкие ее интерпретации могут исходить из разных предпосылок, осуществляться под разными углами зрения и в связи с этим приводить к другим или частично другим исследовательским результатам. Учет в научных исследованиях знаков, понимаемых как унилатеральное, билатеральное или более широкое полилатеральное явление способствует более дифференцированному и более адекватному пониманию исследуемого пространства, например, с позиций номинализма ($\approx$ реизма, конкретизма), которых придерживался известный польский праксеолог, логик и философ проф. Т. Котарбиньский, феноменологии или других философских концепций.

Если иметь в виду недостаточную объяснительную силу и степень адекватности анализа явлений языка и речи и связанной с этим культурно-общественной семиосферы, то следует обратить внимание на все еще преобладающие теории, в основе которых легла концепция знака как билатерального образования. Существенным дополнительным упущением этих теорий является также вышеупо-

мянутое ограничение исследовательских планов языка, в основном, к двум планам явлений – означающего и означаемого. Только что постулируемое надлежащее, более полное изучение отношений, существующих между этими планами, а заодно и соответствующими элементами в рамках простых или сложных знаков обычно в значительной степени ускользает из поля зрения исследователей. Фрагментарные (в той или иной степени) знания о нем обычно сводятся к традиционной проблеме условности (произвольности) и связанной с ней асимметричности знаков в разных языках, операции коммутации, субституции или предопределены рамками идеи генеративизма.

Здесь, несомненно, сказались взгляды Ф. де Соссюра на структуру языкового знака, которая, по его мнению, состоит из означающего и означаемого (*signifiant* и *signifié*), на схемах в „Курсе общей лингвистики” отделенных линией. План означающего имеется, план означаемого тоже имеется, но отдельного плана отношений между означающим и означаемым, благодаря которым рождается и функционирует знак и язык – нет. Этот внутренне дифференцированный характеризующийся разнообразными внутризнаковыми и вообще внутрисемиотическими отношениями, выступающими в языке и речи отсутствует. В „Курсе общей лингвистики” Ф. де Соссюра читаем: „Язык можно также сравнить с листом бумаги. Мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так и в языке нельзя отделить ни мысли от звука, ни звука от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии” [3, с. 145]. Значит, согласно взглядам де Соссюра места для третьего внутризнакового плана в языке не может быть.

Язык, однако, не похож на лист бумаги и на соотношение его лицевой и оборотной сторон, так как в языке между означающим и означаемым существует, как было уже отмечено, целое пространство различных семантико-формальных и формально-семантических взаимообусловленностей и других связей⁶.

---

⁶ Данная проблематика рассматривалась нами в публикациях и на научных конференциях, начиная с 1967 года. См., напр.: [9, 38, 39, 40 и др.]. Важно подчеркнуть, что на существование отношений зависимости (обусловленности) между означающим и означаемым знаков (особенно сложных) естественных языков обращал внимание и писал о них в своих семиотико-лингвистических исследованиях в конце XIX века Ч.С. Пирс. Как уже упоминалось, труды Пирса много лет спустя после его смерти в 1914 году увидели свет в опубликованном виде значительно позднее, в Европе лишь в 30-х годах XX века. Семиотико-лингвистические идеи Пирса были исследованы Р.Якобсоном, что нашло отражение, например, в принципиальной и очень интересной его статье, озаглавленной „В поисках сущности языка” [21]. К сожалению, мы имели возможность познакомиться с этой публикацией только в 1989 году в опубли-

Итак, в рамках, например, билатерального знака естественного языка важно различать три основных плана (аспекта) собственно языковых явлений – формальный, семантический и промежуточный внутризнаковый (в более широкой речезыковой перспективе внутрисемиотический). Каждый из этих планов может представлять собой относительно самостоятельный объект исследования. Эти планы расширенные на явления речи (текста), дискурса и т.п., т.е. на сложные знаки любой длины, могут составить определенный методологический каркас исследования знаковых явлений не только в рамках лингвистики языка и речи, но и культурно-общественной семиосферы в целом, конечно, с надлежащим, по возможности полным учетом всех сторон вышерассмотренного четырехэлементного знака.

Формальный план охватывает фонетико-фонологическую сторону языковых единиц, морфонологические, словообразовательные, словоизменительные, синтаксические и возможно другие модели, схемы и явления данного плана. К семантическому плану относятся все явления многоаспектной универсальной или т.наз. квазиуниверсальной семантики, имеющей, в основном, логико-информационную подоснову. Внутрисемиотический план охватывает все возможные взаимоотношения между планом семантических и планом формальных явлений языка и речи. В рамках этого плана, как вытекает из вышесказанного, целесообразно выделить более частный внутризнаковый план, т.е. план взаимоотношений между формальными и семантическими явлениями простых знаков. Весь же внутрисемиотический план охватывает, как только что отмечалось, различные взаимоотношения между формальными и семантическими явлениями, свойственные простым и в значительно большей степени сложным знакам, и далее – беспредельное внутрисемиотическое пространство, какое знаки занимают в речезыковой, в частности, дискурсивной действительности. Следовательно, в речезыковой реальности только обладающие значением, т.е. семантические знаки имеют трехплановую (трехаспектную) природу. Не обладающие значением фонемы можно рассматривать лишь как функциональные двухплановые знаки. В семиотическом плане языка заключается сущность т.наз. языкового мышления и в значительной степени природа и специфика функционирования данного языка. В речезыковой реальности, в которой функционируют тоже другие вышеупомянутые внеязыковые знаки, а также различные внеязыковые логические, психические, реалиокультурные, социальные и т.д. явления заключаются, в частности, природа и специфика дискурса.

кованном тогда двухтомнике [22], а с соответствующими публикациями Ч.С. Пирса еще позднее. Следует также упомянуть, что на возможное наличие отношений обусловленности между означающим и означаемым в естественном языке также обращал внимание А.Ф.Лосев [4].

Взаимоотношения между семантическими и формальными явлениями охватывают правила членения содержательной стороны языка и речи с помощью присущих данному языку формальных средств, т.е. неуниверсальную, внутриязыковую семантику, отношения конвенциональные (произвольные) и неконвенциональные (непроизвольные), симметричные и асимметричные, пропорциональные и непропорциональные, параллельные и перекрещивающиеся, контаминационные и неконтаминационные, синкретические и несинкретические и т. д. обстоятельное изучение каждого из этого ряда отношений может составить целый раздел науки о данном языке, о его структуре и функционировании в речи. В связи с этим воспользуемся иллюстративными примерами и пояснениями, относящимися к билатеральным знакам (простым и сложным) этнических языков.

В истории русского языка внутри грамматической категории числа наблюдается взаимовлияние между семантическими и формальными факторами. В результате этого процесса возобладали семантические факторы, т.е. прежнее согласование по форме слов типа *польский и русский язык, правый и левый берег реки, множество людей пришло на собрание*, стало заменяться т.наз. семантическим согласованием: *польский и русский языки, правый и левый берега реки, множество людей пришли на собрание* и т.п. интересно заметить, что, например, в современном польском языке все еще преобладает формальное согласование по грамматической категории числа и только в последние десятилетия наблюдается процесс все более частого употребления семантического согласования. Значит, здесь мы имеем дело, можно сказать, с настоящей конкуренцией между явлениями формального и семантического планов языка.

В современном польском языке согласно традиционной форме глагол *oczekiwać* управляет беспредложным родительным (*oczekiwać przyjazdu rodziców*), а глагол *czekać* – предложным винительным падежом (*czekać na rodziców*). В результате давления общей для обоих глаголов семантики и явления межплановой конкуренции все чаще имеет место контаминация и выравнивание управляемых форм в сторону предложного управления: *oczekiwać na rodziców*.

В языке связь между простыми отдельновзятыми формальными и семантическими единицами, согласно утверждениям Ф. де Соссюра, часто конвенциональна и асимметрична, но де Соссюр, по-видимому, не заметил, что отношения между отношениями единиц семантического (семантико-синтаксического) плана, с одной стороны, и отношениями между формальными единицами, – с другой, т.е. отношения между планами сложных знаков, часто обусловлены. Например, обязательному противопоставлению в предложении субъекта прямому объекту в случае неоднозначного понимания субъектно-объектных отношений

должно соответствовать противопоставление единиц формального плана. Можно предполагать, что существующая по требованию семантико-синтаксического плана пропорция „субъект : форма x = прямой объект : форма y ” является одной из языковых синтаксических универсалий. Как известно, в соответствии с этой пропорцией после совпадения в праславянском языке фонемного состава флексий именительного и винительного падежей некоторых основ появилась категория одушевленности, что показывают еще старославянские памятники письменности, в которых конструкции типа ОТЬЦЬ ЛЮБИТЬ СЫНЬ заменяются конструкциями типа ОТЬЦЬ ЛЮБИТЬ СЫНА. В силу действия этой пропорции в славянских языках категория одушевленности стала распространяться и на те случаи, в которых субъектно-объектные отношения выражаются другими способами, например, с помощью предлога, семантически, контекстуально и т.д. Наиболее последовательным в этом распространении оказался русский язык, в котором категория одушевленности получила самое большое распространение среди славянских языков. В других, неславянских языках эта пропорция может выражаться другими способами, например, фиксированным, несвободным порядком слов.

Рассмотрим еще один пример из разнородных взаимоотношений между явлениями формального и семантического планов языка, которые могут быть, по нашему мнению, объяснены лишь в рамках рассматриваемого внутрисемиотического плана. Польские фамилии, оканчивающиеся на -о, совпадающие по звучанию с названиями вещей все чаще становятся неизменяемыми по падежам в отличие от этих омонимических нарицательных названий, которые всегда сохраняют падежные окончания. Например, *Rozmawialiśmy o panu Szyszko* (все реже употребляется форма ... *o panu Szyszce*). Здесь разные семантические факторы, особенно потребность несмешивания вещи и человека, вызывают соответствующие изменения в формальном плане, даже приводит к нехарактерной для польского языка несклоняемости существительных. Вообще можно сказать, что, как кажется, большинство существенных для функционирования и культуры языковой коммуникации и т. п., а также развития языка, механизмов языковой системы скрываются именно в этом третьем (по нашему счету) внутрисемиотическом плане. К этому плану, более широко понимаемому, можно отнести также традиционно осуществляемые в лингвистике ономаσιологические и семасиологические подходы и исследования.

Из только что сказанного следует, что все еще отстаиваемый общий тезис о конвенциональности (необусловленности) языковых знаков должен быть существенным образом пересмотрен. Существуют основания утверждать, что по мере увеличения синтагматической сложности языкового знака может уменьшаться степень его

конвенциональности, знак может становиться в том или ином отношении обусловленным. На эту закономерность обратил внимание во второй половине XIX века Ч.С. Пирс, но, к сожалению, его проникательные семиотические наблюдения и мысли в то время не были надлежащим образом, справедливо оценены. О его исследовательских достижениях писали в XX веке многие авторы, в том числе в вышеуказанной работе Р. Якобсон, приводя многочисленные, также собственные примеры из разных языков, подтверждающие взгляды о далеко идущих отношениях обусловленности между явлениями формального и семантического планов языка, особенно в случае сложных знаков.

Последовательное систематическое использование даже в рамках билатерального знака трехплановой (трехаспектной) семиотической концепции языка и речи вместе с другими упомянутыми выше семиотическими подходами позволяет по-новому осмыслить природу языкового знака, различные аспекты формального, семантического и внутрисемиотического пространств языка и речи, более адекватно описать всю речезыковую действительность, подготавливая таким образом благодатную почву также для более эффективного и полноценного анализа культурно-общественной семиосферы и семиосферы в целом. Учитывая все сказанное выше, можно также надеяться, что перед семиотикой с её наиболее широким и разнообразным исследовательским объектом – семиосферой, наукой о языке и речи, лингвокибернетикой (и возможно лингвоинформатикой), а также соответствующими другими научными дисциплинами, благодаря более полному, комплексному и лучшему использованию заманчивых и конструктивных идей откроются новые, более широкие перспективы и возможности дальнейшего ускоренного развития эффективной теоретико-познавательной, прикладной и прагматической, в том числе поли- и междисциплинарной научно-исследовательской деятельности, умело учитывающей потребности и вызовы XXI века в более широком контексте высших нравственных ценностей, особенно добра, правды и любви, а также знаков времени.

Литература

- [1] Вернадский В.И.: *Несколько слов о ноосфере*. „Успехи современной биологии”, 1944, т.18, вып. 2.
- [2] Вернадский В.И.: *Размышления натуралиста*. кн. 2, *Научная мысль как планетное явление*. Москва, 1977.
- [3] Де Соссюр Ф.: *Труды по языкознанию*. Изд-во „Прогресс”, Москва, 1977.
- [4] Лосев А.Ф.: *Знак. Символ. Миф*, Труды по языкознанию. Изд-во Московского университета, Москва, 1982.
- [5] Лотман Ю.М.: *Семиосфера*. Санкт-Петербург, 2001.
- [6] Мечковская М.Б.: *Семиотика: Язык. Природа. Культура*. Москва, 2004.
- [7] Семиотика. Антология, составление и общая ред. Ю.С. Степанова, „Академический проект”, „Деловая книга”, изд. 2-е. Москва, 2001.
- [8] Степанов Ю.С.: *В мире семиотики*, вводная статья в кн.: Семиотика. Антология, „Деловая книга”, изд. 2-е, Москва, 2001.
- [9] Сятковский С.: *О соотношении семантического и формального планов языка*, в сб.: Филологический факультет, Симпозиум „Методы исследования семантики языковых единиц” (Тезисы докладов), Изд-во Московского университета, 1967.
- [10] Тарасенко В.В.: *Фрактальная геометрия природы: социокультурное измерение*, в кн.: Сигернетическая парадигма, „Прогресс-Традиция”, Москва 2000.
- [11] Тейяр де Шарден П.: *Феномен человека*. Москва 1987.
- [12] *Философский энциклопедический словарь*. изд. 2-е, Москва, 1989.
- [13] Шопенгауэр А.: *Эристическая диалектика*, полное собрание сочинений. том 4, Москва, 1910.
- [14] Bajer M.: *Jak wierzą uczeni. Rozmowy z profesorami*. „Frona”, Warszawa 2010.
- [15] Berkowitz A.: *Uwierzyć w Jezusa to niebezpieczna sprawa*, rozmowa Mazurka, „Rzeczpospolita”, 23-25.IV.2010, (Rzecz na święta, с. P8).
- [16] Eco U.: *Semiologia życia codziennego*. Przeł. Ugniewska i P. Salwa. Wstępem poprzedziła J. Ugniewska, Warszawa 1996.
- [17] *Film: język – rzeczywistość – osoba*. Antologia pod red. A. Helman i J. Ostaszewskiego, Warszawa 1992.
- [18] Gandhi M.K.: *Autobiografia. Dzieje moich poszukiwań Prawdy*. „Książka i Wiedza”, Warszawa 1974.
- [19] „Gazeta Wyborcza”, 22.05.2010.
- [20] Grzędowicz J.: *Religijność wykształconych Amerykanów*, „Gazeta Polska”, nr 34, 24.VII.2011.

- [21] Jakobson R.: *Quest for Essence of Language*. „Diogenes”, An International Review of Philosophy and Humanistics Studies, Montreal 1965, No.51, русский перевод этой работы см. в указанной выше антологии под общей редакцией Ю.С.Степанова.
- [22] Jakobson R.: *W poszukiwaniu istoty języka*. Wybór pism, Wybór, redakcja naukowa i wstęp M. R. Mayenowa, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1989.
- [23] Jurkowski M.: *Od Wieży Babel do języka Kosmitów* (O językach sztucznych, uniwersalnych i międzynarodowych). Białystok 1986.
- [24] Karnowski J.: *Wypaleni politycznie*. „Uważam Rze” (еженедельник, издаваемый в сотрудничестве с газетой „Rzeczpospolita”), № 20, 2011.
- [25] Korab-Karpowicz W.J.: *Bałwochwalstwo polityki*. „Nasz Dziennik”, 20-21. XI.2010.
- [26] „L'Osservatore Romano”. Wyd. polskie, № 11(207), 1998.
- [27] Mandelbrot B.: *The Fractal Geometry of Nature*. New York 1983.
- [28] Milewski T.: *Teoria znaku*. „Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego”, tom VII, №3, Lublin 1964.
- [29] Milewski T.: *Językoznawstwo*, Warszawa 1965, раздел 2.
- [30] Milewski T.: *Teoria, typologia i historia języka*, Kraków 1993, часть I.
- [31] Morris Ch.: *Foundations of the Theory of Signs*, Chicago 1938, перевод на русском языке: Ч.У.Моррис, *Основания теории знаков*, в кн.: Семиотика, Антология, составление и общая редакция Ю.С. Степанова, „Академический Проект”, „Деловая книга”, Москва, 2001.
- [32] Nowak A.: *Czas walki z Bogiem*. Warszawa 2011.
- [33] Panas W.: *W kręgu metody semiotycznej*. Lublin 1991.
- [34] Piela L., Rakowski F., Siciński R., Stępiński J., Stolarczyk L., Woźniak K., Cyrański M., Czarnocki Z., Darżynkiewicz E., Grochala W., Jaworski J.S., Kalinowski M.K., Krygowski T.M., Leszczyński P., Meissner K.A., Pękała M.: *W obronie prawdy*, „Rzeczpospolita”, № 32, 09.02.2011.
- [35] Pole M.: *Nauka i wiara*. „Vocatio”, Warszawa 1993.
- [36] Rapala B.: *Wiara uczonych*. „Nasz Dziennik”, 24-26.XII.2010.
- [37] *Semiotyka kultury*. Wybór i opracowanie E. Janus i M.R. Mayenowa, przedm. S. Żółkiewski, Warszawa 1975.
- [38] Siatkowski S.: *Sur les relations entre le plan sémantique et le plan formel dans la langue*, в кн.: Sign • Lanque • Culture [...], Editorial Bard: A.J. Greimas, R. Jakobson, M.R. Mayenowa, S. Żółkiewski. Mouton, The Hague-Paris 1970.
- [39] Siatkowski S.: *Założenia typologii dynamicznej accusatiwu-genetiwu rzeczowników w językach słowiańskich*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego”, 1971, zesz. XXIX.

- [40] Siatkowski S.: *Сопоставительная лингвистика в условиях электронно-информационной революции*, в сб.: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet, Redakcja naukowa L. Szypielewicz, Warszawa 2006.
- [41] Szypowska M.: *Ecrivains français. seconde partie*, wyd. 2, Warszawa 1986.
- [42] Ugniewska J.: *Słowo wstępne – Вступительное слово*, przedposłanное к книге U. Eco *Semiologia życia codziennego*.
- [43] Wojciechowski M.: *Jak tu wierzyć w cuda?*. „Rzeczpospolita”, dodatek „Plus Minus”, 23-24.VII.2011.

46968

Działanie 4.2: Rozwój kwalifikacji kadr systemu B+R i wzrost świadomości gospodarczym. Podniesienie umiejętności pracowników systemu B+R w zakresie naukowymi i pracami rozwojowymi oraz komercjalizacji rezultatów prac badawczych – w tym również w zakresie ochrony własności intelektualnej i przemysłowej.

Projekt POKL.04.02.00-00-059/08:

Innowacyjne zarządzanie systemem B+R w jednostkach naukowych.

Projekt wpisuje się w realizację unijnej strategii wzrostu Europa 2020.

W zmieniającym się świecie UE potrzebna jest inteligentna i zrównoważona gospodarka sprzyjająca włączeniu społecznemu.

Inteligentny rozwój oznacza uzyskanie lepszych wyników w dziedzinie:

- **edukacji** (zachęcanie do nauki, studiów i podnoszenia kwalifikacji),
- **badania naukowych/innowacji** (stworzenie nowych produktów i usług, które wpłynęłyby na zwiększenie wzrostu gospodarczego i zatrudnienia oraz pomogłyby w rozwiązywaniu problemów społecznych),
- **społeczeństwa cyfrowego** (wykorzystanie technologii informacyjnych i komunikacyjnych).

Unijne cele służące zapewnieniu inteligentnego rozwoju obejmują:

1. zwiększenie łącznego poziomu inwestycji publicznych i prywatnych do wysokości 3 proc. unijnego PKB, a także zapewnienie lepszych warunków dla badań i rozwoju oraz innowacji,
2. podwyższenie wskaźnika zatrudnienia kobiet i mężczyzn w wieku 20–64 lat do 75 proc. do 2020 r. poprzez wprowadzenie większej liczby osób na rynek pracy, zwłaszcza kobiet, młodzieży, osób starszych, pracowników niskowyzyskalizowanych i legalnych imigrantów,
3. zapewnienie lepszego poziomu wykształcenia – zwłaszcza:
  - sprowadzenie odsetka młodych ludzi przedwcześnie porzucających naukę do poziomu poniżej 10 proc.,
  - dążenie do tego, by co najmniej 40 proc. osób w wieku 30–34 lat miało wykształcenie wyższe (lub równoważne).

J. Kozłowski w rozdziale pt.: „Złożoność a rozwój społeczeństw” (Tom 2) pisze:

Wzrost złożoności jawi się, jako uniwersalne prawo – jak wiadomo, cechuje nie tylko społeczeństwa, ale także ewolucję wszechświata, materię nieożywioną (od big bang do galaktyk) i ożywioną (od pierwszej komórki do ssaków, wzrost liczby gatunków w ciągu ostatnich 600 milionów lat). (str. 9)

Większość dzisiejszych innowacji pojawia się „na przedłużeniu” dziesiątków tysięcy innych wzorców. Stąd też kraje o większej złożoności kultury i relacji społecznych najczęściej są także najbardziej twórcze i innowacyjne. (str. 34)

